

Светлана В. Абакумова

**Я не хочу,
чтобы
люди
унывали**

*сборник рассказов,
сказок, пьес,
сценариев,
статей*

Светлана В. Абакумова

Я не хочу, чтобы люди унывали.

**Сборник рассказов, сказок,
пьес, сценариев, статей**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23100992

ISBN 9785448378539

Аннотация

Сборник рассказов, пьес, сценариев, статей режиссера-документалиста Светланы Абакумовой – первая ее книга. Материал собирался двадцать лет. Продолжение пишется, к изданию готовится книга «Записки режиссера».

Содержание

Введение	5
О ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ	10
УТКА	16
ОВЕЧКИ В НЕБЕ	23
ПАПА КАК ПАПА	32
ХОМЯЧКИ. ОТЕЦ И СЫН	38
ПЛЮША И ВАРЯ	41
ИСТОРИИ ЖЕНИ АЛЕКСЕЕВА, рассказанные им самим и записанные мной	44
Лыжи	44
История с обидами	46
Таганайские горы	48
ТАЛИЦА – СВЕРДЛОВСК	56
МОЯ БАБУШКА	58
ПТИЧКА МЕДОВ	73
ПОЭТИЩЕ	78
ЗИМА – СЕРЕДИНА ЖИЗНИ	86
СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ	92
НЕСЧАСТНЫЙ БЕЛЬГИЕЦ	103
СКАЗКА НОБИЛЕЙ	110
Сцена в полдень	119
Дом ТУЛАНА. Прощание	125
Конец ознакомительного фрагмента.	142

**Я не хочу, чтобы
люди унывали**
**Сборник рассказов, сказок,
пьес, сценариев, статей**

Светлана В. Абакумова

© Светлана В. Абакумова, 2017

ISBN 978-5-4483-7853-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Перед вами первая книга Светланы Абакумовой, режиссера и художника, сборник рассказов, сказок, пьес и сценариев. С пятого класса школы Света хотела стать писателем. Была уверена, что готова к такому труду, писала новеллы и сказки (слушатели признавали ее рассказы интересными). Но с публикацией книг в нулевые годы дело не вышло по финпричинам, и дело писательское пришлось отложить. Семья, работа, дети... Круговерть дел.

В 1990 С. Абакумова поступила на факультет искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета.

В госуниверситете рецензирование преподавала Юлия Константиновна Матафонова, а литературную критику Леонид Петрович Быков, и учили они основательно.

После окончания факультета искусствоведения С. В. Абакумова сотрудничала с рядом газет Екатеринбурга, писала статьи и заметки для газеты «Уральский рабочий» под псевдонимом «С. Терпуг». А для «Вечерки» под псевдонимом «С. Муксун».

Ей платили мало, не прожить. А времени уходило много.... С официальной журналистикой покончив, Светлана пошла работать пресс-секретарем яблочной партии на выборах, а потом пресс-секретарем Хит-парада детской песни «Пять с плюсом». Еще она писала картины, занималась гра-

фишкой и батиком, преподавала рисование в школе, потом полтора года отдала дизайну ресторанов в фирме 7F.

Специальности искусствовед также оставалась зачетной: Абакумова организовывала выставки, акции, писала релизы, собирала (чужие) литературные сборники, боролась за сохранение памятников истории и архитектуры, например, пассажа.

Когда, в 2012 году, пассаж в центре города всё-таки снесли, эта несправедливость так потрясла Светлану, что она решила навсегда расстаться с Екатеринбургом и отправилась в Москву на ПМЖ.

В столице работала реквизитором на Мосфильме, снималась в массовке в сериалах и «голубых огоньках» (это с образованием художника и искусствоведа!). Платили примерно около тысячи рублей в день (смена с 7 утра и до вечера). Обошла многие студии, предлагая услуги режиссера и сценариста, но нигде не ее взяли, хотя сценарии брали. По интернету нашла работу на ТВ в Перми, но в том краю жить было не у кого, негде.

В Москве она снимала койку в общежитии, а потом комнату на Тимирязевской. Зимой 2013 года вернулась домой и бросилась снимать документальное кино, засучив рукава: в Москве возможности снимать кино не было никакой, потому и вернулась домой (на базу).

Первый свой сценарий С. Абакумова написала в 2006 году о Евгении Малахине (Буке). Заявка отправилась в Гос-

кино, заняв второе место в номинации, но денег не дали. Фильм «Легенда о старике Букашкине» снимался почти два года на 30 000 рублей из фонда депутата Е. П. Артюха. Понятно, что никакой зарплаты Светлана не получала, деньги ушли на монтаж и озвучание. До этого она работала бутафором, художником на фильме Алексея Федорченко «Первые на Луне» (2003—2004), с этим вот повезло.

В 2010 году Светлана при арт-движении «Старик Букашкин» организовала студию «Букашкин Телесинема» (закрылась к 2013 году). Ну а после возвращения из Москвы – студию «Светтсон». На этих студиях была снята большая часть фильмов режиссера-рассказчика Абакумовой. Тематика фильмов – жизнь людей искусства, художников, ювелиров, краснодеревщиков, etc, а с 2013 года огромная тема **дети войны**. Светлана опросила 18 человек, фронтовиков, тыловиков, детей войны. Были сняты фильмы «Художники пришли с войны», «Дети войны», «Сад «Ветеран», «Кетов, Георгий-Победоносец», «Диалектика дизайна», «Гладков из Бреста», «Брыжко: Воевал, рисовал, учил рисовать...», «Волочаев: Интервью художника о войне», «Михаил Гуменных», «Бессмертный полк», «Музей Гуменных», «Нина Костина».

Волею судеб, в 2006 году попав в индустрии кино, Светлана освоила профессии оператора, монтажера, звукооператора, вынуждена была сама писать сценарии. И это до того вошло в привычку, что фильмы по чужим сценариям она

не снимала.

Хотя, отметим, для неигрового кино – сценарий, как круги по воде: всё равно жизнь отрихтует всё по-своему, по другому.

Кино стало основным делом жизни С. Абакумовой, потеснив литературу. С 2012 года С.В.Абакумова член Союза Кинематографистов РФ, Гильдии режиссеров, известный в стране кинодокументалист, участник российских международных фестивалей.

В целом по жизни, бедность дюже потопталась на судьбе С. В. Абакумовой. Ей пришлось пережить много дней голода, болезней и унижений, а также, работать за копейки, за прокорм (например, в театре музкомедии). И даже выйти на два года замуж за грузчика продуктового магазина, чтобы не умереть с голоду. Порой ее выручала система В. Маяковского – ходить по гостям на ужин по определенным дням. Но этот период недоедания и стеснения в средствах, к счастью, не затянулся более чем на полжизни – лет на двадцать с некими рецидивами. Покровителей у нее не было, а сопротивление семьи ее занятиям творчеством было постоянным (и подспудное, и открытое). Но Светлана кино и живопись не оставляла, не оставляет и не оставит никогда: она остается верной призванию.

Светлана свыше десяти лет являлась вольнослушателем курса драматургии Николая Коляды. Бывая на читках мэтра

и студентов в период с 1995 по 2006 гг., С. Абакумова стала свидетелем становления славной школы уральской драматургии.

Название книги взято не из текста книги, а из интервью кинорежиссера, в тексте вы таких слов не найдете.

Книга первая, но не последняя. Готовятся к изданию «Записки режиссера», и толстый сборник воспоминаний «Свердловский андеграунд», а также книга стихов Светланы Абакумовой. Приятного знакомства, душевного чтения!

С.Т.

О ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

...Много лет назад хаживал по этим улицам и переулкам один стриженный под мальчика ребенок в шортах (или брюках) с застежкой по боку – вообще-то это была девочка, да только очень боевая и самостоятельная.

Этот ребенок очень любил собак, домой приводил – кормил, обнимал, целовал в носик, беседовал, пока мать была на работе. Мать к вечеру приходила с завода – «почтового ящика» и требовала, без уступок: **уводи собаку на улицу!** у нас нельзя, у нас негде. В ответ ребенок рыдал и кричал, что это не простая собака, что это теперь **его** собака, они друзья и даже братья, и если уйдет эта черная большая собака, то и он уйдет навсегда, вместе со **своей** собакой!

В слезах, чувствуя себя последним предателем, не сдержавшим слова любви, уходил ребенок за порог, и мать свернутой газеткой шлепала по спине запутавшуюся в редкой мебели дворнягу... и вот они идут по улице рядом, в последний раз. Никогда больше собака не подойдет к этому дому, ее обманули, ей обещали тепло и подстилку, еду и любовь. Никогда больше ребенок не увидит такую умную, красивую, добрую, преданную, послушную, замечательную, большую черную собаку! Она все понимает, к ней так тепло прижиматься! Нет, не будет больше радости в жизни, одно большое горе!

Никогда не будет у него пса!

Да хаживал тут один стриженный ребенок в очочках, с заклеенным белой бумажкой правым стеклом! Вообще-то это была девочка, да только очень боевая и самостоятельная, она и революцию, чтобы освободить детей всего мира от гнета взрослых, мечтала сделать, и за права негров переживала – красила кожу акварельными красками в черный цвет. И истребление индейцев Северной Америки еще... Не смогли ей взрослые объяснить, почему так получилось с индейцами, почему белые так жестоки? Дядья-дембеля смеялись, а мать хотела объяснить что-то, она пробовала, но не смогла дать вразумительного ответа. Подружки, девчонки – соседки со второго этажа больше интересовались косметикой своих старших сестер, песенниками со слюнявыми переводными картинками, наклеенными меж текстов с грубыми ошибками по правописанию, открытками и журналами мод, они кивали, что это свинство с индейцами, но быстро отвлекались, и не сопереживали, не понимали вовсе, что это трагедия общечеловеческого масштаба.

С ней, очкариком, хорошо гулять в парке – рыть ямки и охотиться с луком и стрелами за толстыми лысыми дядьками, хорошо стрелять в круглую мишень на дереве, красить перья гусей в красный цвет, делать индейские головные уборы из белых перьев, как имя то ее? Гуанако? Гуанако- вождь краснокожих.

Хорошо и интересно с ней строить города и клеить театральные декорации и кукол из большой коробки, которая

есть у нее, с надписью «Золотой ключик». Но в Африку – нет, зачем им Африка?

Этим легкомысленным хохотушкам нельзя доверить свой важный план, все равно ничего не поймут.

Два года подряд ходил ребенок искать Африку. С 5 до 7 лет он делал эти броски. Несколько раз. Расист наоборот, скажете вы, ничего подобного – просто романтик, наивное сердце, горячее простодушное. На **белых-то** людей в садах и коридорах дома – общаги он уже насмотрелся, а негров и индейцев еще не видал. На юг, по улице Московской, до самого конца. Она простирается на юг, эта улица, трамвайных путей на ней тогда не проложили, скоротать дорогу на трамвае не удастся, это сейчас легко доехать до конца Московской. Про карту разговоров не было. Компас был, но как его повернуть, совсем непонятно. Просто ребенок знал, что там юг и шел туда. В сторону Химмаша, скажете вы?

Идет, идет, под лучами солнца, под дождиком, до парка, до леса; в лесу под кустом важно расстилает газетку, раскрывает отцовскую черную военно-полевую сумку (отец живет в другом городе), достает картоху в мундире, консерву, фляжку с теплой водой, хлеб, соль, лук, перекусывает. Консервная банка никак не поддается, консервный ключ не может причинить ей большого вреда, – силенок у ребенка маловато. Ну что ж, банку в сумку и пойдем дальше. Вообще-то даже не верится, что взрослые могут доставать еду из этих

цельнометаллических цилиндров, это же крепкое железо!

Что будет делать, когда наступит ночь, он не знал. Забраться на дерево? Лечь спать на траву? Стрёмно это, спать на земле! Придется вернуться домой, и начать поход в следующий раз, быть может, удастся дойти до Африки, до захода солнца. И с наступлением темноты ребенок поворачивал назад, и обессиленный проходил эту же самую улицу, теперь уже – с конца в начало. Сто домов с одной стороны, сто домов с другой.

На остановке, на углу трех улиц, озверевшие от многочасовых поисков, соседи метались на посту, и как только голова ребенка, посверкивая очками под фонарем, показывалась в десяти-пятидесяти метрах от дома, его хватала из засады за шиворот крепкая рука, например, крановщицы Раи. И волокла насильно, с тычками в бок, на третий этаж родного дома (сопротивление было бы бесполезно). Дома уже был накрыт стол, на столе сыр с дырочками на тарелке и тортик в коробке без крышки, мороженое – любимые кушанья ребенка, ...онемевшая от горя мама, говорившая шепотом на непонятном языке, крики воспитательной направленности из ртов соседей, залетавших в комнату, чтобы посмотреть, *ну как все происходит...*

Заедание куском сыра усталости и горечи от того, что все **так** происходит, еще кусок сыра, недонесенный до рта, и сон, как болотная трясина. Во сне еще раз перебираются, перебиваются впечатления дня.

На ключе-источнике набираем воду. Болтаемся по лесопарку до темна, не зная где устроиться на ночлег. Там были ключи. Там росли желтые деревья. В сентябре – последняя ходка (на зиму тяга к странствиям отпадала сама собой). Путь назад. Через всю улицу в сто домов по одной стороне и в сто домов по другой. А там, у дома, за квартал, стояли посты из горячих соседок на перекрестках и остановках. Манили руками и словами, манили – подманивали – приездом папы из Артемовска, живущего в другом городе. Мать покупала торт, сыр, мороженое, то есть все то, что совершенно определенно ребенок любил. Но измученному человеку торт в рот не лез, он падал на кровать и засыпал.

Через несколько недель или пару месяцев история повторялась. На юг, упорно на юг, в Африку... никто не смог ни помочь, ни понять, ни отговорить. Страха не было.

Непуганый безумец – Нансен, Амундсен! Одинокий путешественник. А если бы разрезали его на кусочки да пустили на пирожки? Ха. Пирожки с очками, придумать такое!...

Когда прошло время, и детство прошло, вместе с желанием дойти до Африки, ...что осталось от непуганого борца за свободу детей? Наверное, остался протест против своего пола. Почему? Мальчишки были определенно лучше по крепости характеров и общечеловеческим качествам, чем девчонки. С ними можно было дружить, разговаривать о важном, о жизни; с девчонками же разговаривать было не о чем. Сплетни этому ребенку были не нужны, перенаря-

ды во взрослые платья тоже, девчонки раздражали его своей манерностью, слезливостью, глупостью, снобизмом юных сопливых принцесс-красоток, пустыми, на его взгляд, играми. Претензиями не по делу, мелочной склочностью и ябедничаньем, а так же тем, что можно определить как женская стервозность. Даже бантики, банты и бантищи на головках девочек были явно лишними в мудрой жизни, чем-то таким зазря привнесённым.

Вот детский сад в старом доме – уникальный образец деревянного модерна рубежа веков, уральцы строили свои дома в стиле модерн из бревен, потому что дерева было навалом. Европе же приходилось обходиться камнем и кирпичами. В этом садике не было удобств, например унитазов, детям просто выставляли горшки, зато там был камин и огромный рояль, и красивые большие окна с рокайльными узорами из темного дерева по краю. И там был друг, настоящий друг, мальчик Сережа по фамилии Завей-борода.

Это то, что ребенок получил взамен Африки, взамен собаки, взамен одиночества – получил друга.

УТКА

Хахаль мамкин утку привез, она стала жить в деревянном ящике, повязанном платком поверху вместо крышки. У утки было прострелено правое крыло, подобрали ее на охоте. Она волновалась ночью, билась крыльями о стенки посылочного ящика, и ребенок гладил изгиб ее шейки и маленькую горячую голову, ночи напролет. Тогда только, только так утка затихала.

Утром, уходя в школу, ребенок застилал комнату – всю, и кровати, и пол, и стол, газетами, и выпускал утку из ящика. Та летала на сломанном крыле по комнате 18 квадратных метров и гадила беспощадно, с плотностью ковровых бомбардировок. Всё, всё, всё было устряпано светло зеленой жидкостью с серыми вкраплениями более твердых составляющих. Птица как бы уверяла, отпустите, а то хуже будет. Ребенок после школы час убирал газеты, и тряпкой оттирал, то, что попадало мимо, если газеты сдувало волной при налете. Посещения гостей-одноклассников исключались. Кто же из них, учеников начальных классов аглицкой школы, не заколдобится, увидев такой гадюшник? Мать тоже была недовольна, и требовала убирать комнату тщательнее. Ела утка хорошо, хлеб с молоком, но тосковала ужасно, чтобы она не сбила себе грудь о стекло, дверь на балкон всегда завешивали шторой.

Птица исчезла через пару месяцев. Хахаль, то есть мамкин друг-охотник, внезапно пришел и забрал ее. Мамка убеждала, что повез ее на Украину, чтобы там выпустить на волю. Но сказано это все было с каким-то таким нехорошим смешком, что ребенок заплакал и стал спрашивать, не съели ли эту утку, ни за что, ни про что? ведь уже холодно, и крыло у нее криво срослось, куда же ее увезли, что за Украина – разве там зимы не бывает? Лыжи, школа, сомнения.

Соседка Райка – крановщица стала женихов приводить со стройки, она жизнь мамкину починяла на свой лад, а та закрывалась от нее на английский замок, пряталась, грустила, все ждала охотника, который почему-то не ехал. Раиса просила подростка Гарика из соседней комнаты на балкон залезть – дверь открыть, и укоряла мать за то, что та прикидывается спящей. Высокая сильная татарка, с вечными бигуди под красной газовой косынкой, и сама сигала с балкона на балкон на высоте третьего этажа, если дома Гарика не было, а были его мать или сестра, черте что! Мама брала рюмку с водкой, держала на весу в тонкой руке, морщилась, когда выпивала и через силу улыбалась незваным гостям. Она ждала охотника, а его все не было. Все чаще она лежала на диване, уставившись в одну точку на потолке, не реагируя на системные запросы ребенка. Или сидела с книжкой Поля Валери, которую он ей подарил.

– Это **хандра**, – говорила она ребенку.

– Что такое хандра?

– Это меланхолия.

– Что же такое меланхолия? – спрашивал ребенок, не понимая.

– Это грусть.

Но из-за чего грустить, когда солнце светит и можно пойти на Ленина, 5, за мороженым, там самое вкусное мороженое, и все вокруг так интересно, кругом мир и разные люди, ребенку было совсем непонятно. Даже пластинки звезд французской эстрады мать больше не крутила на проигрывателе, и ребенок не решался поставить сказку в гнетущей тишине. Этот блестящий проигрыватель «Сириус М» принесли вдвоем на руках мама с охотником, счастливые и мокрые от первого весеннего дождя, год назад.

«Ей уже много лет, она стареет, а в ТРИДЦАТЬ лет она состарится окончательно, она сама так говорит, она состарится и умрет, так долго не живут!», – думал ребенок, со страхом ища следы новых морщинок вокруг маминых глаз на заострившемся от ожидания лице и на руках.

– Что ты там разглядываешь?

– Ты умрешь, у тебя уже 5 морщинок на лице, тебе скоро ТРИДЦАТЬ! Их с каждым днем все больше, этих морщинок! – ужасался ребенок.

– Не бойся, я не умру, – смеялась мать, – Что ты, что ты, не говори глупостей, морщинки бывают у всех, посмотри на бабу Тасю, сколько у нее морщинок, а она все живет и жжет свою керосинку, да тебя по заду веником хлопает.

Эти слова успокаивали ребенка на какое-то время, но не навсегда. Он любил свою мать и больше всего на свете боялся ее смерти.

И вот охотник приехал однажды, как всегда без предупреждения. В объятиях – захрустели чьи-то кости. Ребенок подбежал справиться об утке, но двухметровый блондин легко отмахнулся от ребенка, сунув в подарок перочинный ножичек.

– Утка... как она улетела? – беспокоился ребенок, – Где ее выпустили? Все ли хорошо у утки?

Но мать сказала: «Не приставай к дяде Валере, видишь, он устал с дороги, возьми монетку, купи себе фиников; ступай на улицу – погуляй».

Больше разговоров об утке не было. Ребенок уговорил себя, что у утки всё хорошо, что она нашла себе стаю и улетела на юг, в Африку с последним клином.

Несколько дней спустя ребенок познал ужас потери, всю глубину отчаяния. Мать не пришла домой. До 11 часов вечера он крепился, ожидая мать, потом, не закрыв дверь, выбежал на пустынную лестницу и зарыдал. Никогда мать не задерживалась так поздно, она опаздывала на полчаса – на час самое большое. На рев вышла соседка баба Тася, она забрала ребенка к себе и он еще два часа сидел на стуле, пялясь в телевизор «КВН», сглатывая слезы. Бабка была немногословной: «Придет твоя мать, никуда не денется», вот и все уте-

шения от щедрот ее эвакуированной в войну, белорусской души. Ребенок с компанией днём доставал ее своей бегом по общему коридору, в котором она несла «вахту» у керосинки, готовя еду себе и взрослой дочери, зорко бдя, кто к кому заходит. И бесконечными проделками – попытками забраться на чердак, запалить спичкой самострел, грохотом, хохотом и плачем он давно переполнил чашу терпения «этой святой» женщины. А тут еще ночь маета, ... хотя, конечно, жалко ребенка. Что мать, мать – известное дело, молодое!

Да что-то вот мою Людку никто замуж не берет, скромная шибко, да и красоты не лишку, перезрела в девках, давно рожать пора, – думала бабка.

Ребенок стирал слезу за слезой, мотал сопельки на рукав светло-зеленой импортной кофты, но говорить не мог, боялся бабки.

– Она умерла, – думал он. Никогда она не пропадала, никуда не уезжала, бросив меня. Никогда не приходила так поздно. Если мама жива, она бы пожалела меня, она бы помнила, что я, что я тут... Не могла же она бросить меня? Забыть про меня? (слезы).

В двенадцать часов ночи он уже ни во что хорошее не верил, ни на что не надеялся, он похоронил и себя и мать вместе. В час ночи мать приехала, пьяная и счастливая. Небрежно поблагодарив бабу Тасю, повела ребенка домой, открыла samozaxlopnuvshuyusya дверь ключом, и стала целовать ребенка, дыша ароматом дорогого вина. Она смеялась, в ответ

на слезы ребенка целовала его в нос и макушку и повторяла «Да я же тебя люблю! Я была в аэропорту, провожала дя-дю В. на самолет». Ребенок никогда не видел до этого мать выпившей и пугался ее незнакомого смеха и винного запаха, неадекватности реакции и бесшабашной раздрызганности жестов. Но с другой стороны, мама жива, да! и она явно счастлива, она веселится посреди ночи, как все это уместить в голове?

Больше охотника ребенок не видел. Он уехал и забросил насовсем их не очень-то нужное ему семейство. Кто-то из маминых подруг в разговоре сказал, что он женился на некрасивой сестре-двойняшке из КБ 108, а ребенок услышал краем уха и почему-то запомнил.

Мать справилась с собой и через пару-тройку лет вышла замуж. Вышла за своего нового начальника, он как раз разводился с женой. Начальник переехал к ней жить из частного дома на Уктусе с двумя чемоданами книг и кучей фотопринадлежностей. Но это уже другая история – из отрочества...

Сашка, сын Раисы-крановщицы, стал почти что, другом **ребенка** – стриженной девчонки, вернее, у нее уже отросли светлые косички, но очки никуда не испарились. Почти другом... пока они не подрались зимой **из-за татаро-монгольского ига**. В школе проходили татаро-монгольское иго. Во дворе на снегу, под сочувствующие крики из окон и подъезда «отпусти девчонку немедленно!» Сашка завалил девчонку в честной борьбе на лопатки на чистый снег и возопил

«А мы вас триста лет в рабстве держали!». Встав на ноги, она крикнула «А мы всё равно вас победили!» и потребовала реванша. Но он снова ее повалил, и позорно ткнул ранцем в сугроб.

Тут уж она с горечью поняла, что время драк на равных с мальчишками прошло, и что ей придется покинуть лагерь победителей, пришло такое время. И отступить в лагерь девчонок, придется признать себя девочкой, позорное поражение не оставило ей другого пути. Как-то там примут ее, в новом сообществе, нужна ли там она

ОВЕЧКИ В НЕБЕ

...Клубок линий и нитей. Что это – человеческий мозг?, нет, случайное переплетение запутанных нитей, и из него постепенно возникает нечто воздушное, изящное. Это белая овечка, пушистая, тонкорунная. Игрушка!

На наших глазах линии превращаются в личико 4-летнего мальчика с ясными, любопытствующими глазками.

Июнь. Стемнело. Наступает ночь. Синий цвет за окном. Поют ночные птички в городе. Кухня типовой квартиры девятиэтажного дома.

Папа заснул, сидя на кухне. Он мечтает, – мы пока не догадываемся о ком, – но некоторые приметы бытия раскроют эту тайну. Он мечтает о своей жене. Ее нет. Исчезла, ушла, испарилась, улетела на время или навсегда. Ее нет нигде, ее не найдешь – хоть все углы обыщи в доме.

Под столом разноцветные пакеты, в них мусор невынесенный за неделю. В раковине хрустальная пепельница, чашка для кофе, красные чашки *МакПик*, посуда для микроволновки, засохшие чайные пакеты, сковорода – все вперемешку. Расставлены по столу в беспорядке. Мужчина заснул и видит жену свою по имени Тата. Ее имя аппликацией вышито на ярком розовом фартуке, что висит на гвоздике у дверей.

За час до этого: мальчик лежит под неудобным толстым ватным одеялом. Он смотрит на отца: – *Пап, я опять не за-*

сну.

Папа шепотом отвечает мальчику: – *А ты считай овец.*

И овечки, кудрявыми пятнышками мягко отделяются и слетают с ласково улыбающихся отцовских губ. ...Овечки – белые, круглые как колобки: они такими и должны быть – добрыми и красивыми.

Папа берет с комода небольшую овечку и кладет рядом с мальчиком на подушку.

Ночь. Машины едут по окружной трассе рабочего района, водитель одной машины вдруг одуревает – он видит овец, летящих в небе. Водитель второй машины тоже понять ничего не может. Девушка в его машине красит губы и не верит шоферу, который кричит ей что в небе овцы. Она крутит пальцем у носа и говорит: *это самолет*. Самолетик действительно есть, он несется высоко; за строительными кранами мигают его опознавательные огоньки.

Открытая форточка в доме мальчика. Ветром вдруг окно распаивается настежь. И в него влетает нечто и материализуется. Во что? В овечку. У овечки на спине два прозрачных крыла, как у стрекозки, – они длинные и почти невесомые на ощупь. Овечка складывает их и встает на задние ножки на пол.

Мальчик не спит, он дремлет. Он считает овец. Они веревом летят над рабочим районом города.

Видны плоские крыши серых домов, железная дорога, ведущая к заводу железобетонных плит, скучные бетонные за-

боры с грязными фонарями, антенны и строительные краны.

Сине-фиолетовый сумрак. Ночь смягчает эту жёсткость рабочего района: красиво светятся оранжевые окна домов, шторы развеваются в балконных дверях. На балконах стоят люди, они курят и болтают, и смеются. Свет ламп в домах привносит уют в этот темный город.

Еще хороши в сумраке кудрявые деревья, что у пруда. Там внизу у горы есть пруд – совсем недалеко от дома мальчика. В воде отражаются пушистые кусты и многочисленные городские огоньки. Там раньше стояли деревянные дома, в одном из которых жила семья мальчика. Жила, пока не переехала.

Все это наблюдают овечки сверху – смешно махая крыльями. Летают белые овечки забавно – отталкиваются от крыши и антенн ножками.

Летят овечки, а с ними и мама. Мама подняла вверх и сложила руки правильно – легла на волну воздуха и полетела.

Она в длинном платье с распущенными волосами, ноги босиком. У нее нет крыльев как у овечек, но летит она также плавно и легко, как и они.

Все они мягко прыгают с крыши на крышу, с тополя на тополь, а в промежутках все же успевают лететь. Даже машут крыльями. Описать пластику такого полета сможет только инженер аэродинамики.

Подпрыгивая с верхушки одного тополя, овечка летит

по кривой и приземляется ножкой на другую верхушку. Потом на крышу, потом на антенну. Так они скачут, перелетая большие пространства – плавно и быстро.

В небе всполохи зарниц.

Сухо, дождя давно не было. В темноте на деревьях мерцают светляки зеленым светом. И красиво чернеется старый пруд и высокие деревья вокруг него.

Синий цвет неба и переплетенные ветки деревьев – всё это отражается в большом зеркале в спальне мальчика.

Овечки классные, они добрые, – думает мальчик, крепко засыпая.

Овечка ходит по дому, еле слышно постукивая копытцами. Потом надевает мамины тапки и фартук.

От пейзажа, – будто бы написанного Врубелем, – волшебное впечатление. Остро пахнут ночью травки, и зелень кустов на берегу. Кричат дергачи. Зелень темная, как будто лаком облитая, *блестящая* как пленка оракал, которой обклеиваются вывески и рекламные щиты.

Сверху видно кафе, там играет музыка, но овцы летят мимо. На волейбольной площадке парень обнимается с девушкой. Всё мимо.

Овечки пролетают над стройкой высотного дома. На крыше дома ходят двое рабочих. Горят прожектора, кран несет плиту по воздуху. Молодой рабочий танцует рэп. Кувыркается, и бегаёт. Его радует лето и избыток собственных сил. Овечки немного с ним поплясали. Светят на стройке огни –

синий, голубой, желтый, красный, лиловый, ...или это планеты светятся? Спутник над стройкой пролетел?

Дом. Квартира. Запахи врываются в открытые окна. *Никогда еще так остро не пахло резедой по ночам*, – думает папа во сне. Жара и прохлада мягко перепутаны. Слышны трели птиц.

На кухне журчит вода. Кто ж это моет посуду, кто там прибирается, наводит порядок, готовит еду? Кто-то. Мы подглядывает в узкую щель двери. Там молодая, светловолосая женщина стоит у мойки и моет посуду. Она похожа на маму Тату. Или на какую-то другую маму. У женщины веселые светлые глаза. И светлые волосы как шерсть у овец. Это она овечка в фартуке? Нет, тут настоящая женщина и она все прибирает.

Потом пошла в спальню и поцеловала мальчика. Взяла за лапку овечку-игрушку и пожалала лапку.

Потом сняла фартук и тапки, встала на подоконник и улетила.

Гаснут звезды. А ночь очень коротка. Это июньская ночь короткого уральского лета. Она прекрасна – она лечит всё, как серый туман, не успевший побыть на земле всласть.

Темнота понемногу растворяется, и становятся хорошо видны серые фигурки овец на фоне неба, над крышами домов.

Начинается рассвет.

Мальчик считает и считает во сне: овечка и овечка. В это время простые кудрявые овцы, пикируют на заводской район.

Это целая куча овечек. Она приближается по безветренному небу.

Они привели по небу маму издалека, а сейчас прилетели снова забрать ее. 2 овечки остаются на крыше дома. Они сидят и болтают ножками.

Утро. Папа встал, пошел умываться, он даже не понял, что ночью порядок навёлся сам собой, – так он погружен в свои тяжелые думы. Папа бреется, надевает пиджачок, галстук, целует спящего мальчика. Гладит его по голове.

На кухне достает ему йогурт и батон из холодильника, оставляет еду на столе. Уходит на работу.

Спальня. Мальчик потягивается, вспоминая. Улыбается. Спотыкаясь о мамины тапки, он идет босиком на кухню, держа в руке кудрявую игрушку, треплет ее кудряшки и лениво ест.

Думает о папе, что тот хороший. Думает о маме – она умеет летать с овечками и это здорово. Спрашивает свою овечку – *правда, что это здорово, что мама умеет летать?* Овечка молчит. Игрушка!

Мальчик полностью уверен, что мама ночью к ним прилетала...

Лето, идти мальчику особо некуда, детсад закрыт. Мальчик смотрит на фото в темной рамке на столе. На портрет молодой женщины с широким улыбчивым ртом и светлыми волосами.

На фото она улыбается. Мальчик смотрит на нее и не плачет, ...нет, плачет. Нет, не плачет. Он уже взрослый и просто мечтает о маме.

Еще он мечтает вырасти поскорей, стать сильным и мужественным как папа и чтоб никогда не плакать.

Овечки забрали маму и *увели* вдаль по воздуху, за гору. Белая овечка летела, бляяла и махала на прощанье маме мальчика, пока та не скрылась в серой туче за горой. За барашком улетели и все овечки.

Воспоминания папы: мама гребет в лодке на веслах – это ее любимое дело, – а папа держит на руках годовалого сына. Они катаются в деревянной лодке по пруду.

У пруда расстелено одеяло под кустом сирени. Книжка детская валяется рядом с игрушечной овцой. Мальчик просит маму почитать; мама в купальном костюме читает сыну азбуку Букашкина. Папа рядом пишет картину – пруд с деревьями-тополями и узкой улочкой ведущей к воротам деревянного дома. У него на этюднике закреплена большая картонка, лежат масляные краски. Из этюдника остро пахнет пиненом и лаком по жару.

Трава, лужайка, игрушки, детская, одежда. Снедь в кор-

зинке, что мама приготовила. Вода колодезная в зеленой бутылке.

Они жили у большого пруда, там, где стояла лодочная станция. Папа вспоминает, как мама качала младенца, голенького мальчика. Оранжево-ярко-желтого как бревнышко, но с пипкой.

Сцена на пляже. Подростки пришли на пляж, и хотят маму обидеть. Папа, не раздумывая, дерется с ними. Ему очень на этот раз досталось.

Мама плачет. У папы на голове синяя-синяя шишка.

Мальчик запомнит папу с этой шишкой на высоком лбу под каштановым чубом. Папа часто бьется с несправедливостями жизни.

Один раз папа и сам обидел маму. Мама стирала белье во дворе. Папа среди бела дня вбежал во двор и залепил маме в лоб. «За что?» – крикнула мама, и села с плачем на землю.

Папа прибежал домой, потому что маму приревновал, вот и бросил работу. Сосед, злой дед, наговорил про маму плохое. Злой сосед маму оболгал. Папа ей в лоб – без слов, скоком через двор, с разбегу.

Папа погорячился. Он был неправ.

Сад, грядки, черная земля у забора. Мама пробегает по грядкам, забегает в дом.

Папа сидит подавленный, ну что он наделал? Жены нет. Сына нет.

Мама собирает свои вещи в большущий чемодан, хватает

сына и уходит. Ворота заскрипели и закрылись. Но тут папа очнулся, ворота снова заскрипели. Папа побежал по улице. Он бежал, бежал, бежал. Он хотел маму догнать...

Он нашел маму на конечной остановке трамвая. Она собиралась ехать на вокзал.

Папа на глазах у публики извинялся на коленях перед мамой. И мама с сыном вернулась, она простила маму папу.

Папе видится сон, как он учит маленького сына рисовать. Они сидят в своем старом доме у окна с видом на город и линию электропередач.

Папа держит сыночка на коленях и водит его ручкой с итальянским карандашом «Негро». Они рисуют маму – *каля-маля*. Мама стоит рядом. Облик ее как в тумане...

ПАПА КАК ПАПА

Мальчик рос в маленьком городке у большой реки. Он плавал в ней, пока мать его стирала белье или чистила большие кастрюли речным песком. Мать его Анну, люди знали как Нюра.

Она была женщина простая и весела. Пела в местном хоре. Работала Нюра на вокзале, встречала поезда, чистила снег.

Несмотря на простоту свою полюбила она учителя физики и родила от него мальчика, которого в дань моде назвала Вольдемаром (сестра ее родная назвала своего сына Рудольфом).

Учитель физики долго с ней жить не стал, а ушел на войну, где и погиб под Ленинградом, провоевав всего 3 месяца, как его родной брат. В январе 1942 года Нюра получила извещение, что Абакумов Петр без вести пал за Родину. Осталась она вдовой.

В голодуху военную и послевоенную Нюре трудно было одной прокормить малыша, но она выдюжила. Сын был ей за это благодарен всю жизнь.

Позже он говорил своей невесте – «Мать меня из пальца выкормила»

Волик рос парнем живым, сообразительным, бойким на язычок. Учился он отлично и после школы уехал из ма-

ленького городка в областной центр Свердловск, чтобы учиться на механика в сельхозинституте. На каникулы он наезжал домой, в Егоршино, навестить мать. А так как делать дома было ему особо нечего – он часто заглядывал в библиотеку.

Вот в читальном зале столичный студент-дипломник с модным коком и галстуком обратил внимание на девушку с бантиками в волосах и белых носочках. И та была польщена. Она сразу была очарована его шиком и красотой.

Она выучилась у подруги в общеаге играть на гитаре песню *«Четыре таракана и сверчок, за печкою сидят»*. Это тогда было модно. Больше ей песен разучивать не пришлось, девушка вышла замуж.

Волик долго и с чувством за ней ухаживал. Каждый день дарил цветы, водил в кино.

Два года он ждал, пока она закончит учебу и получит диплом радиотехникума.

Жить решили в Свердловске, хотя никого из родни у них там не было.

Там на ВИЗе, в доме 111 по Татищевской улице родился их ребенок. Жизнь катилась быстрая, бедная, веселая. Было много работы, на нее расходовались почти все молодые силы. Сил сначала было много, и мечты были.

С ребенком первый год сидели две бабушки, наезжавшие водиться по очереди. Потом нянька.

...И всё чаще юную жену стала угнетать бедность, жили

они от получки до получки. Еды в доме было негусто, и она не залеживалась – съедалась быстро. Манная каша, хлеб, соленые огурцы, яблоки из хозяйского сада...

Молодая жена готовила, стирала, мыла пол, чистила посуду, ходила за ребенком – это помимо работы на оптико-механическом заводе – «почтовом ящике» (которая ей очень нравилась и сослуживцы нравились там). Да, не о такой жизни мечтала она. Она считала, что раз вышла замуж, жизнь должна сразу стать сытой и налаженной. А тут – никаких перспектив на жилье.

Начались в семье ссоры, пока маленькие, которые мирились по ночам.

Жена требовала от мужа обрести свое жилье, а мужа ее – Волика, захватило искусство. В этом его поддерживали новые друзья – художники. Они ходили с этюдниками, ездили на пленер, словом, вели жизнь необыкновенную. В Свердловской картинной галерее папа копировал старых мастеров, и у него открылся недюжинный талант живописца.

Днем папа работал, а по вечерам учился в вечерней художественной школе для взрослых. Он мечтал поехать в Ленинград поступить в Мухинское высшее художественное училище (бывшее училище барона Штиглица). Жена его мало понимала и СЛУЧАЙНО роняла рисунки ПАПЫ в ведро с помоями, случайно.

Его жена была обыкновенная, нормальная женщина. Ей нужны были дом, уют, достаток и постоянство, нормальный

муж. А папа приходил каждый раз поздно, за полночь.

Ночью папа вставал поесть хлеба с луком, и долго сидел и думал, как ему стать великим художником. Потом снова ложился на большую железную кровать, где они спали втроем: родители по краям, а ребенок в середине. Ибо со стен на них спрыгивали клопы, – такие же голодные, как папа.

По утрам папа маме все больше не нравился. Глаза у папы горели страстью к искусству, волосы стояли торчком. Мама считала, что у папы идет загульная жизнь. Но это была не простая мужская загульная жизнь. Папа и его друзья в беретах и свитерах говорили о школе Холлоши и Баухауз, о Леонардо, Ван Гогге и Микеланджело, о русском гении Петрове-Водкине. Они ходили гурьбой на выставки в Дом художника и на поэтические вечера в Дом писателей, а потом, бродя по ночному проспекту, горячо спорили, обсуждая увиденное.

Молодые люди в компании часто пробуют вино, и в их компании это было принято. Папу Волика это зелье, портвейн, зацепило больше других. Он стал проводить вечера в шинке и в ресторане у друга-официанта. А когда платить было нечем, а так бывало практически всегда, убегал через служебный ход. Бегал папа Волик быстро.

Вот ночь. Мама дремлет, дома Волика все еще нет. Трамваи давно не ходят. По переулку слышится дробь шагов, кто-то бежит по тропке между двумя садами. Кто-то стучится в окно. Это папа Волик. Он быстро раздевался и прыгал в по-

стель.

Утром папа везет ребенка в садик, а сам идет на работу. Мать – на свой завод, почтовый ящик.

Папа Волик преподавал черчение в школе №2. Старшеклассники у крыльца кричали ему: «Не бегите так быстро, Вольдемар Петрович, звонка еще не было!».

...Хозяева домика стали намекать молодой паре, что пора им съезжать. Загулы папы становились все чаще, и Тата с отчаяньем думала, нет никакого просвета в будущем! Думала, думала и надумала. Взяла ребенка, матрас и чемодан с одеждой и ушла от мужа, куда глаза глядят. Жила сначала у подруг, у друзей, мыкалась по чужим углам. Долго гуляла в парке с малышом, чтобы прийти только переночевать. Ребенок заболел, в бреду звал папу, а потом это все как-то забылось, затуманилось само собой.

Завод выделил комнату молодому специалисту, маме, через год мытарств. Большую светлую комнату с балконом и прекрасным видом из окна, в доме на перекрестке трех улиц.

В центр комнаты мама поставила картонный чемодан, это стал стол, там и обедали. В угол, справа от балконной двери, положила матрас, там они с ребенком спали. Остальную мебель со временем подтащили друзья и соседи, даже радиолу «Сириус М» подарили. НАЧАЛАСЬ у них новая жизнь!

Из папиных картинок мама взяла с собой только две: пожелтевший, как рисунки Леонардо, портрет ребенка, побы-

вавший в помойном ведре, и пейзаж большой реки осенью.

А папа? Что папа... Папа окончил вечернюю художественную школу на ул. Радищева и поехал в Ленинград. Вместе со своим другом Аликом, Альбертом. Там он сразу поступил в Мухинское училище, училище Барона Штиглица, и отучился 4 года. После чего вернулся в городок к своей ма-тушке. А в Свердловск лишь только наезжал к друзьям; жить ему там было негде. Альберт окончил Академию художеств и стал жить в Свердловске, преподавал.

Где папа родился – там и пригодился. Стал работать в местном быткомбинате художником. Делал мозаики, фрески, афиши, трибуны оформлял портретами вождей, много что делал; фирменный стиль придумал для завода. Папа утонул в реке в июле-месяце перед своим Днем рождения, ему исполнилось бы 37. От ребенка до самого Нового года скрывали этот факт и на похороны не отпустили, естественно. Бабушка Нюра сгорела через два года, не пережив смерти единственного сына.

Папины картины и рисунки не сохранились, вместе с домом они пропали после смерти бабушки Нюры – Анны Ивановны Черемных. Ребенок же был на ту пору слишком мал, чтобы их сберечь.

Жил папа, как папа, да и нет его! А ребенок, когда вырос, стал художником. Он постоянно думает об отце, и не простит жизни ее несправедливости и сиротство свое.

ХОМЯЧКИ. ОТЕЦ И СЫН

Папа рыжий, даже персиковый, а сын у него получился серо-коричневый. Папа по имени Пушкин (пушистый), умер уже немолодым, после трех лет полновесной жизни среди людей, последние полтора года со мной мучился и моим сыном. Три года живут хомячки. Вдруг как-то летом он захромал, все тело у него пошло болячками, язвами. И очень я запереживала, не знала я, что срок жизни хомячков так короток по человеческим меркам. Мазью тетрациклиновой мы его мазали, да лекарства капали, а улучшения не наступало. Он страдал.

Наташа Трошина захотела спонсировать лечение, и мы повезли его в картонной коробке в ветлечебницу, в жару, через весь город. Мы долго искали в зарослях лопухов эту лечебницу, пока нам не подсказал бывший сторож, что ее год уж как закрыли, и посоветовал поехать в другое место. В другое место, на Пионерский, мы приехали без пяти минут три, а работа ветпункта заканчивалась в три часа ровно, и нас с коробкой не допустили к врачу.

Наташа тоже не знала, что хомячки живут три года. Она слезно жалела Пушкина, и мы договорились встретиться завтра, чтобы поставить ему усыпляющий укол (80 рублей), если врач откажется лечить болезнь.

Вечером я долго смотрела на его дергающиеся в судороге

лапки, слипшуюся шерстку, затуманенный красным взор... на один глаз он ослеп, и расширенный зрачок не реагировал на свет.

И вот, уставясь на это худенькое измученное тельце, я решила взять на себя грех и утопить зверюшку дружочка, чтобы окончить страдания, разом, его и мои. Хомячок-то прямиком попадет в рай, а мне, моей душе куда дорога? В ад за такое действие, поняла я.

Хомячок умер. Он стал снова, как во времена здоровья, очень красивым – свалывшаяся шерсть расправилась, легла длинными розовыми прядями. Лапки он вытянул и сложил их правильно. Я обсушила на столе, и завернула в цветастую тряпочку, а потом положила его в полиэтиленовый пакет. И пошла, копать могилку на клумбе с цветами, за соседним домом. Положила туда хомячка, а чтобы собаки не достали, камнями присыпала.

Его нет, маленького странного зверька, а любовь к нему не ушла – осталась прежней.

Сын его, коричневый как медвежонок, один из трех детей последнего помета, по имени Гагарин, был крутым парнем, это факт. И о нем могу сказать только хорошие, добрые слова – смелый, деловитый, красивый, бесстрашный до ужаса. Как он бегал вверх по стене, по обоям, и сигал вниз со стола или со стеллажа! Дух захватывало! Казалось, что убьется насмерть, ан нет, встряхивался хомячок, после минуты очумелой задумчивости, и вперевалочку спешил к но-

вым приключениям. Кто его этому научил? Никто не учил. С рождения был как все дети-хомячки, ничем особым не выделялся. Но, попав в нашу квартиру, сразу стал «космонавтом». Летал и летал. Застрял как-то раз за книгами на четвертой полке стеллажа, но помощи не запросил, хотя пищать хомяки умеют очень громко, к примеру, требовать еду при задержке завтрака. Гагарин возился, возился и прогрыз в книгах проход на волю, свою собственную дорогу проложил. Вышел на свободу и прыгнул на ковер, гордо шмякнув об пол толстый курдюк, обычная гагаринская посадка! С тех пор все книги этой полки в нижнем правом конце отпилены на три сантиметра его острыми зубками.

Погиб он геройски, не от болезни. Прыгнул в шахту лифта, куда удрал гулять по лестнице в большом здании на Малышева. Дизайнер Паша Ковалев его на работу к себе принес, поселил его в офисе в аквариуме, и не доглядел за хомячком.

Была страсть твоя к полетам – лекарством от старости и скуки, Гагарин!

ПЛЮША И ВАРЯ

Варя – это белая кошка средних лет, до переезда в Екатеринбург жила в ленинградской квартире. Таня привезла ее сюда или Алексей, не знаю точно. Скорее всего, Алексей, потому что жалеет животных, а Таня, в Ленинграде, ее порой забывала покормить.

Плюшу, черную дворнягу с примесью крови немецкой овчарки, Леша подобрал на обочине дороги у своего дома, что стоит у съезда с Кузнецкого моста, ее переехала машина. Она жалобно скулила. Леша рассказывал, что он подумал: «Всю оставшуюся жизнь будет мучение, если оставлю эту собаку здесь умирать» – и потащил ее домой. У нее был переломан позвоночник и задние ноги, никто не знал, как ее лечить, она просто лежала и все. Все приходящие думали, что собака обречена и не выживет, но она поправилась, только кости срослись кривовато, поэтому походка несколько необычная – виляет вправо. Она долго не могла ходить и лаять, и мочилась под себя от страха и бессилия, когда кто-нибудь чужой заходил. Поэтому в большой комнате у Тани и Лешки пол облез почти полностью.

Имя Плюша вроде происходит от Плюшкина, героя «Мертвых душ» Гоголя, данное Лешей собаке за жадность или скопидомство. Я никаких признаков жадности в Плюше не заметила, сколько ни приглядывалась, поэтому считаю,

что «плюша» – от черной ее блестящей шерсти можно вывести.

Леша собаку заводить не собирался, но очень к ней привязан. И она любит его без памяти и ревнует ко всем женщинам, даже жену его поначалу кусала. Сейчас Плюша – член семьи, с правом голоса, голос у нее очень громкий и устрашающий, да и сама она не маленькая. Как-то у соседей стали ломать двери, соседка очень испугалась и закричала.

Леша приоткрыл свою дверь на площадку и сказал: «Поди, Плюша, разберись, что там происходит». Плюша тихо выползла, как черная змея, на площадку, и устроила там такой тарарам, такой ад для грабителей, что те не знали, куда деваться. С тех пор соседка носит сладкие кости «нашей спасительнице».

У Вари с Плюшей – война. Холодная, скрытая, перманентная. Они зорко следят друг за другом. Хозяину они ее не демонстрируют, потому что боятся наказания. Плюша не «позволяет кошке лишнего», когда та слишком смело гуляет по комнате, внушительно гавкает на нее, и кошка снова забирается в кресло и лежит там часами, прикрыв глаза. За это кошка гадит собаке в миску. Но Варя не учитывает, что Плюша – дворняга и в еде неразборчива. Зато, когда собаку уводят на прогулку, и дома никого нет, кошка носится по квартире, как полоумная: с дивана – на окно, с окна – на диван, потом – на кресло, по столу проносится, как белая молния, роняя чайники и сахарницы фабрики Гарднера или

Веджвуд, которые Леша привозит со всех аукционов страны. Она топает, как слон, она прыгает вертикально вверх на два метра с места, она живет полной жизнью! Она дышит полной грудью!

...Вообще-то, хозяин квартиры и чайников Гарднера занудлив и не в меру ворчлив, прижимист, свое никому не отдаст и даже посмотреть не разрешает, мелочен, педантичен и любит поучить бережливости других. Но когда кошка или годовалая дочка Соня разбивают антикварную вещь стоимостью в его полугодовой доход, он разводит руками, улыбается смущенной беззащитной улыбкой и говорит: «Это издержки жизни...»

ИСТОРИИ ЖЕНИ АЛЕКСЕЕВА, рассказанные им самим и записанные мной

*Женя, веселящий газ, сын майора и мамы-
стоматолога,
доброе создание, ядовитый язычок.*

Лыжи

В общежитии МГУ жил китаец, он от своей диаспоры отбил-ся, завел большой круг друзей и приятелей: широкую душу имел, русских студентов поил и кормил. Всегда был весел и мил, все его любили; называли просто Ваня. И вот однажды китаец Ваня купил в Москве горные лыжи. От радости целых три дня свою комнату в общежитии поил. «Я лыжи купил – сбылась мечта детства». Водка стоит ящиками, пьют всю ночь, и так три дня, просыпается как-то, смотрит, вокруг хари незнакомые пьют его водку. Базар и гвалт – ну да ладно – ему не жалко. Встал, умылся наспех, подходит к одному: Вот брат, лыжи купил, – сбылась мечта детства!

Да пошел ты!, – сказал тот, и стало китайцу обидно. Он ведь всех любит, водкой снабжает, лыжи новые обмывает,

а на лыжи никто внимания не обращает.

Тогда он надел лыжи и стал бегать по лестницам – демонстрировать ходовые качества. Все равно никто не смотрит. Еще обидней.

Встал на подоконник пятого этажа и кричит «Спрыгну сейчас, и лыжи не сломаются! Потому что они японские!»

Все кто увидел, закричали: Стой, стой дурак! – а он как сиганет.

...И не долетел – повис на березе, застрял кверху ногами. На Садовом кольце. Прохожие были ошарашены – разгар лета, а пьяный китаец в лыжах висит на березе. Пять несоответствий насчитал Женя Алексеев:

Первое. Китаец- пьяный

Второе. Висит на дереве

Третье. Летом в лыжах

Четвертое. В лыжах на дереве

Пятое. Дерево не сакура и не санкхэй, а береза!

История с обидами

Пришел Женя в гости к старому художнику и поэту города Б.У.Кашкину. Тот по обыкновению своему перечить стал собеседнику, ну Жене, спорить с рассказчиком бескорыстным начал. Вот на смешной Женин анекдот о Чапае, серьезно возражает: Чапаев не мог так поступить, он не мог плыть с раненой рукой! «Умный человек был – командовал дивизией!». Женя тут и замкнулся. А Б. У. Кашкин давай ему свое говорить. Букашкин ему про Шабурова докладывает, кипятясь и возмущаясь.

Саша Шабуров, ну такой художник-постмодернист, вывесил в одном классном музее Екатеринбурга листочки, в них он понаписал, кто как умрет. И когда – дату тоже написал, сам срок смерти каждому из списка (а это человек двести) Шабуров определил.

Б. У. Кашкин должен будет, по его определению умереть на помойке, расписывая ее красками.

Шабуров на открытии выставки – хеппенинга, с этими письменами сам в гробу неподвижно лежал, не смеялся даже, не икал, не шевелился, по серьёзке все. Дама-энтертейнер из крематория по-настоящему говорила: **от нас ушел хороший человек, сын и гражданин.** А господин Б. У. Кашкин не понял, что это юмор, что это для смеха, и обиделся.

«Что ты, Саша», – говорит ему, когда Саша пришел к нему

в мастерню подвальную на Толмачева, 9, – «чем дальше – тем дальше? Бог тебя наказал за твое свинство, ты уже заикаешься много лет, скоро пукать начнешь». И дал грозный старик ему в глаз кулаком, приподнявшись на цыпочки, на палку опираясь. Так гласит народная молва в передаче уст девченок короткоюбочных, а они-то в драках понимают, они не соврнут, коль сами все видели. А Сова говорит, что ногой Букашкин каратэ показал!

И прав был старик. Правильно треснул обидчику. Шабуров и мне, великому режиссеру, предписывал умереть 21 января 2001 года, чем довольно сильно меня напугал. И я, опасаясь внезапной смерти, ходила к психологу на занятия. Но срок прошел и я жива! Пронесло. Просвистело мимо.

Умер Махотин. 20 декабря 2002 года. И мне обидно, что всем отпущено по алфавиту было лет, в среднем, по 40; Вите Махотину аж 60 лет еще пожить, а он умер уже. Умер и многие позабыли его голос и улыбку.

Таганайские горы

Это было 27 марта 1994 года. Никогда не забуду эту поездку. Меня потом декан факультета Рунева Т. А. вызывала в деканат и говорила очень много нелюбезных слов. Например: Куда ты повез, Женя, наших девушек-искусствоведок – хочешь, чтоб они все погибли! Чтобы ноги им ампутировали обмороженные, чтобы меня в тюрьму посадили – за вас, детей отвечаю я, декан!

И пусть не погибли они, да, хорошо, но прогулы совершили – много пар пропустили за два дня! За прогулы отвечать будешь ты, Женя!»

Не погубил я их, а закалил горным переходом. Всего-то лишь трое из четырех человек наших простудились, подумаешь. В городе с ними тоже такое могло случиться.

Все девушки согласились ехать сразу, но я долго не мог собрать парней. Звал художника Олега Бухарова, он отказался. Фу, все такие вялые, думал я. Кто-то ноги, если сломает – не вытащу я один человека с гор – плохо мне будет без помощи мужской!

Истории грустные вспоминались мне, зимние – на Тагане волки съедают тех, кто заблудится.

Накануне отъезда, вечером, заходит в общежитскую комнату парень бритый, рожа уголовная. Спросил: «говорят, ты

в горы идешь – и я хочу. Возьми меня. Андрей я Кудряшов. Из культпросветучилища. Гитару возьму с собой и самогон». Я говорю: Ладно, Андрюха, идем, идем. А сам переживаю в душе, что он за человек?

Сбор на вокзале уже через два часа. Едем ночью. Косько Наташа вытаращила глаза на Андрея, отозвала меня и спрашивает «кого это ты привел?» Я отвечаю с честными, грустными глазами: «Хороший парень. Учился в кульке на гитаре. Вот и всё».

Проблемы с милицией на самом деле у Андрюхи были, и из кулька его выперли. Чисто брит головой. Сам-то он добрый – правда, любит выпить. Позже, когда мы вернулись с гор, он устроился на работу в милиции. (Выгнали за пьянку его и оттуда впоследствии).

Девочки опешили. А он увидел, какие они такие искусствоведки, понял, что с ними каши не сваришь. Погрустнел, тянется за самогонкой, за бутылью дедушки из Ревды.

Я отвожу его руку от бутылки: «Нет-нет, давай так, доедем до места, а там все вместе и налакаемся»

Все пошло не так с самого начала. Поезд опоздал на 4 часа! Ждали его до 12 часов ночи. Юлия Хильченко не дождалась, уехала домой. В поезде, из экономии средств, наши не захотели брать простыни, один комплект взяли на всех – скандал был с проводницей. Из-за неувязки с поездом мы опоздали на 5 минут на электричку на Златоуст. Следующая электричка – только днем, в 14.00. Что делать? Я решил, что

мы доедем до Миасса, а не до Златоуста. Так и сделали. Андрей пел песни в вагоне. Всем было весело. Приехали – никому не нужные, сели на станции, решив ждать автобус.

Мужик тут поехал в Златоуст на частном автобусе и нас подкинул до центра города. Я полгода не был в родном городе, у родителей. Странно, но я прошел мимо родного двора без грусти. И с бравадой: а все равно никого нет дома – мама и сестра на работе. Отец в командировке, на полигоне. Девчонки отметили, что я не в меру весел и расторопен, и тоже развеселились. Настроение стало у всех замечательное!

На трамвае проехали с рюкзаками на ж/д. вокзал. Чистый родной ж/д. вокзал встретил нас звонкой хрустальностью люстр, американскими игровыми автоматами, новыми с иглочки и двумя бомжами с завшивленной дворняжкой, их верным псом.

Потом рванули в Пушкинский поселок, на автобусе. Оттуда выдвинулись уже в 4 часа вечера. У Светы одной были новенькие пластиковые мини-лыжи. Она могла идти только на одной, вторая нога на лыжах ей не подчинялась, и она стращивала ей с веток пушистый снег. Срезали мы дорогу. Сугробы до шеи, а рядом, до обидного рядом, тракт. Света все время спрашивала: «Женя, где карта, покажи карту?»

Есть у меня карта, говорил я, хотя карты и в помине не было. «Покажи карту, Сусанин», – кричала Света, проваливаясь по пояс в снега лесной целины. У Наташи Косько колготки были тонкие, брючки в обтяжку до икр, сапожки на каб-

лучках порвались по молнии—очень неподходящее снаряжение для похода в лесу.

По насту девчонки тащили гитару по очереди. Андрей нес себя и бутыль. Рюкзаки, два, у девочек взял я. Дорога чистая, укатанная, твердая, была буквально рядом, в 50 метрах по правому плечу. Срезали, называется.

«Сын, жених, и еще жених останутся сиротами» причитали девочки на разные голоса и дружно костерили меня, «Сусанина-искусствоведа». Мать примерная, Света, написала дома расписку сыну, что вернется живой.

Вдруг три бабушки мимо бегут на лыжах.

Где Таганай?, – кричим мы им. Рукой они махнули вперед, «Вы-то без лыж и до ночи не дойдете!». (Удивительно, но мы на пять минут всё ж этих бабушек опередили, у приюта).

Темнеть уже стало реально, 20 км еще нам идти до приюта «Таганайская совесть».

Четыре часа мы прёмся по лыжне без лыж. Паника тихая начинается в стане искусствоведов. Все уже поняли, что приюта нет и не будет, это басни Жени, то есть мои. Меня ругают, доверие утеряно напрочь. Кругом горы, на них лес растет глухой, еловый. Очень темно.

Мы сильно промокли от снега и замерзли, обувь и одежда набита снегом по пояс.

И вот на косогоре показался деревянный домик. На крыльцо вышел мальчик лет 17:

«В дом не пушу, так как начальства нет, идите вон туда в палатку военную».

Мы пошли, что еще нам оставалось? Печка военного образца в палатке, стали ее топить. Труба не прочищена, дым стелется по полу. Сидим, зажав нос, и радуемся теплу, то есть изо всех сил мы старались усидеть в палатке, но отравленные удушливым дымом, все вывалились на снег. Синтетические носки Света положила подсушиться на печку, зря, добавили вони.

Андрей первый сказал «пошли в другую палатку» и выхватил самогон, речь пламенная прозвенела: Я пью и радуюсь!

Я же тихо, с выдержкою, спросил:

– Что это спирт?

– Нет, самогон.

Я взял бутылку. Приложился. Хорошо! Все приложились, хорошо. Сразу никто не заболел. Из трех девчонок дома три и заболели. – Но ведь *легко заболели*, упирался я позже, по возвращении, глядя в строгие очи декана.

Нас в палатке пятеро. Настоящих альпинистов трое. Они приехали из Нижнего Тагила с настоящим альпинистским оборудованием. Остановились в соседней палатке, очарованы нашими девушками, рядят их в свои крутые куртки и ремни, фотографируются с ними, учат кольца на strapовке защелкивать. Но это завтра, как и их фирменное восхождение, после фирменных тренировок, на гору Круглицу.

А начальники приехали в 12 часов ночи. Дров накололи. Продукты привезли. До 3 часов ночи они песни пели песни под гитару в нашей палатке, Андрей играл. Редкое дело! и начальство и альпинисты, и искусствоведы в солдатской палатке родство человеческое почувствовали, – зимой никто гитару не таскал сюда до нас!

Пели Розенбаума, песни из фильмов «Неуловимые мстители», «Бременские музыканты», песни Битлз.

Когда все уснули, я сидел у костра, подбрасывая заготовленные дрова, чтоб никто в палатке не замерз.

Утром выглянуло солнце, почти все совершили бросок на вершину хребта Таганай – «Круглицу». Света наотрез отказалась от восхождения (после уговоров и презрительных плевков ее оставили кашеварить в палатке). До отъезда она написала завещание (куда деть вещи и картины, а также квартиру, и кто сыну будет опекун, и где ее похоронить – на кладбище в деревне Мосино, под песню «Битлз» «Йестердей»). А сыну она дала устное обещание, что в горы не ползет. Вот она его и сдержала.

Сугробы были очень глубокие. Сверху наст тонкий – он человека не держал. Вставали на наст и проваливались по пояс и так каждый шаг. Встали потом на четвереньках и шли так несколько километров вверх: я, две искусствоведки, Ната и Ирина Петун, а также, Андрей. Часа три плавно ползли на высоту 1200 метров. На вершине повесили два воздуш-

ных шарика, с подписями «УрГУ, ура!»

Искусствоведы с горы скатились обратно, как Суворов с Альп, на задницах. За 15 минут путь весь проехали.

Пришли счастливые. Пообедали.

Сфотографировались с ребятами из Нижнего Тагила. Ирина, лежа на снегу в экипировке, изображала восхождение на гору. Правду выдали тени от елок на одной фотографии и пробегающая «по отвесно-вертикальной скале» кошка на другой.

Кое-кто захотел остаться, и это была Наташа. Остаться на сутки! Я тоже быстро уговорился, я не могу Наташе противоречить, я готов с ней на край света идти, ...годами идти, хоть куда! Что же может быть лучше, но это из области мечтаний. Но крики возмущенных невест и матерей меня отрезвили. Домой хотели Ира Петун и Света. Андрей был свободен как птица, он-то и остался в итоге с нижнетагильскими альпинистами. Ему мы сбросили в мешок консервы, сахар, варенье. Дома его никто не ждал, он из дома сбежал.

Вернувшись, в город через неделю Андрей рассказывал, как надевал на себя ледорубы, цепи, каски, как освоил-таки скалолазное дело. Хорошим он парнем оказался, дружили мы с ним потом долго: пока я жил в университетской общаге, он в гости заходил – песни попеть.

Обратный путь был солнечным и теплым. Светило солнышко – мы разделись до футболок, от снега не холодило. Рыжие елки и рыжее солнце, голубое небо и белый снег.

Удивила меня Светина уверенность, говорит мне «пойдемте этой дорогой», хотя она ни разу здесь не ходила. Это я златоустовец, я здесь бывал, правда летом, когда все зелено, снег глаза не застилает. Мы пошли по другой, не прошлой, дороге и не заблудились. Приехали на автовокзал. Устали. Я маме позвонил. Мама огорчилась, что она не успеет к отходу поезда; что я рядом был, а она меня не увидела.

Рванули из Челябинска в Екатеринбург. На следующее утро приехали в Екатеринбург – столицу мира, как говорят живущие на Урале швейцарские миссионеры, и ответственно решили пойти на лекцию «Зарубежное искусство XX века» к 12 часам дня.

С вокзала Ира поехала к Наташе домой, чтобы переодеться, Света домой, я в общагу. Наташа все-таки умудрилась опоздать, хотя Ирина от нее приехала ко времени. Профессор Зайцев был первый, кто услышал из самых первых уст «байки альпинистов» о Таганайских горах, далее слухи неслись по факультету с быстротой молнии и превратились черте во что...

ТАЛИЦА – СВЕРДЛОВСК

Светин этюд

Вагон электрички, еду домой из Талицы, от своей родни дальней-предальной, у которой гостила после турбазы.

Мужик, скорее дедок, тоже едет в направлении Свердловска – он напротив сидит.

Вдруг он со мной заговаривает, спрашивает, куда я еду.

«Я от родни еду, в свой город возвращаюсь, первый раз в жизни город такой, Талицу, повидала, еду в Свердловск».

Вид странный у мужика, одежда как у работяги, без шикю. А лицо открытое, ясное и большой синяк у левого глаза.

– Что это у вас синяк такой большой? – спрашиваю его.

– Да я же слепой, зрения на 20 процентов только осталось. Вот, шел и наткнулся в сумерках на ветку дерева. Я по свету определяюсь, а в сумерках ничего не вижу, беда.

Вот я не заметил чего-то под ногой, споткнулся, упал. Синяк обычное дело.

– Еду в ВОС – областное общество слепых.

Ездит он взад-вперед. Другим помогает, ездит в областной центр по делам слепых. Он у них староста, у слепых-то. Он не баско видит. А они еще хуже видят – талицкие слепые-то. Он у них самый зоркий. И самый подвижный. И самый добрый.

1988 zod.

МОЯ БАБУШКА

Моя бабушка Агния – сельская учительница, орденоносец. Родилась она в семье солдата, во времена лихие, зимой 1918 года, у батрачки Арины. Отец – солдат Иван Шихов, погиб в первую мировую, сразу перешедшую в гражданскую.

Арина, жена солдатская, батрачила у богатых – а батраки были за новый мир. Поэтому революции в семье вдовы-батрачки обрадовались. Детей было у Арины четверо.

И вот, дочка ее вторая, Агния, пошла учиться на учительницу, как многие деревенские девушки, чтобы продвигать ликбез на селе.

С детства дети познали тяжелый, ежедневный труд. Работала Агния-Ага с четырех лет: то в няньках, то на пахоте – сидела на быке, управляя им с загривка.

Если б не революция, – говорила мне бабушка Агния, – никогда бы им батракам не дали получить образование и выбиться в люди. А так, она окончила педучилище учителей начальной школы (трехгодичное) и отправилась бороться с неграмотностью. Стала учительницей.

Потом у Агнии у самой народилось 10 деток, семь девочек и три парня. Был еще посередь всех мальчик Коля, который хорошо очень рисовал, но умер в 10 лет от опухоли мозга.

Дед мой, муж бабы Аги, Василий Адриановский, пошел за революцию, так получилось у него в юном возрасте (писарем служил в армии в 19 лет). Василий Николаевич стал учителем, потом директором школы. Был он старше бабушки на 18 лет и взял ее в жены, когда у него родами умерла жена.

Он возглавлял школу, в которую по распределению прислали молоденькую учительку. Она пожалела сирот, льнувших к ней, детей Адриановского. И Василий Николаевич попросил ее выйти за него! Так и поженились, и прожили вместе 18 лет. Василий Николаевич умер от плеврита, когда младшему сыну Валерику исполнилось 3 года. Агнии, овдовевшей так рано, пришлось растить детей одной.

Дедушка Василий, которого я никогда не видала, был родом из семьи священнослужителей Адриановских: потомственным батюшкой бы стал, если б не революция! В молодости попал в Красную армию, а может и в Армию ДВР (такая версия тоже была), после окончания гражданской войны стал сельским учителем, так как был грамотным, очень хорошо образованным человеком. Позднее его назначили директором детского дома (и школы) в деревне Луговой. За труд в войну дедушка получил награду. В детдом привозили сирот войны и детей-ленинградцев; детский дом стоял в большом уральском селе. Детей там выхаживали и учили.

Бабушка в Луговом начала учительскую деятельность и там же вышла замуж.

Позднее они переехали в Каменский район, очень спешно переехали, бросив всё нажитое, с 5 народившимися детьми... в деревню Мосино (Мосина).

В Мосинской школе, в каждом из 4 классов сидели ее дети-ученики: Нина, Оля, Вера, Люба, Таня, Злата, Ия, Вася, Слава, Валера. Учились девочки хорошо, все девки получили высшее образование впоследствии, а парни учились на троечки. Из дома – подросших девчат и парней отправляли в техникумы – в 14 лет! Детей! Непостижимо!

На лето в отчий дом в Мосино съезжались старшие дочери, студентки – из Перми и Свердловска. Вместе все садились за большой стол во дворе, ели, пили чай, смеялись, разговаривали.

Вместе же ходили на речку и в лес за грибами, потом дружно чистили грузди и опята во дворе. Помню оцинкованное корыто груздей, как они чудно и резко пахли.

...

Я приезжала в деревню Мосино ежегодно, с раннего детства. Помню, в пять лет иду по длинной-длинющей деревенской улице, И встречный народ говорит: «Это внучка Агнии Ивановны идёт». Бабушку дети любили, и взрослые уважали: еще бы, сельская учительница всех родственников выучила, три деревни! Я ходила гоголем по улице и по школе, когда бабушка брала меня с собой на уроки.

В одной классной комнате сидело сразу 2 класса, и дела-

лись разные задания. В каждом классе по 5 человек. Бабушка с каждым классом по отдельной программе занималась, а я рисовала за последней партией. Со мной девочку усадили Галку (мы подружились), родители на работе, ребенка оставить не с кем. Галя оказалась воспитомкой бабы Соф. Баба Ася, Соф, как я ее назвала за худобу и страшноту, работала истопником в школе, топила две печи-голландки, раздавала детям завтраки, прибирала и мыла школу, а также дворничала и сад школьный охраняла. Она из репрессированных, из купеческих барышень была, в лагере отсидела: брела пожилая женщина после отсидки в лагере незнамо куда и Агния Ивановна пригласила ее в школе жить и работать, в 50-е годы эта удивительная дружба случилась. Дети Галку и меня не обижали, – баловали, думаю из-за любви к своей учительнице.

Когда парни, мои дядья, подросли, начали курить и ставить бражку, я не могла оставаться равнодушной к сетованиям бабушки на пороки их. И пролезла в их штаб – амбар, через собачий лаз. Пролезли мы с Галей, с «фершалской дочкой». Мы вылили всю припасенную тремя братьевьями бражку на землю – под камень во дворе, а заодно и найденные в амбаре папиросы «Беломор» я искрошила в труху. Вспомнила слова бабушки, что нехорошо курить.

Расплата пришла утром дня следующего. Когда взрослые ушли на работу, и бабушка ушла, младший из братьев, Вале-

ра, десятиклассник, погнался за мной: он настиг меня за огородом и сильно отодрал крапивой по заду и ногам. А бабушка вечером утешала меня тем, что Валерушку, своего любимца, тоже проучила, огрев по спине коромыслом. Но наши действия с Галкой отнюдь не одобрила. Слов ее не помню, но не одобрила.

В Мосино мне жилось привольно – я строила дворцы из камней за деревней вместе с Галей, если она не ходила с мамой пасти *бьяшек*. На говорливой речке Каменке городили мы плотинки, пекли «пирожки» из глины – из ям можно было добыть красную глину в изобилии.

В тихий час мы с бабушкой ложились отдыхать под белый полог, защищающий от комаров, я слушала роман-газету, которую бабушка читала каждый день с продолжением, получая роман-газеты по подписке. Я с тех самых пор подкована по вопросам коллективизации, интернационализма, революции и солидарности пролетариата, но мало что понимаю в любви. Бабушка абзацы про любовь пропускала, говоря «*ты еще маленькая – не поймешь*», и тихо посмеивалась над смыслом книги, вызывая у меня чувство зависти к миру взрослых тайн, про которые мне даже прочитать нельзя. Порой она уступала моим просьбам и начинала пересказывать то, над чем она смеялась, но получалось совсем непонятно и не смешно. Я рано научилась читать, чтобы всё знать! Баба Ага отвечала на все мои **почему**, и она же научила меня читать еще до школы. Для чего давала мне толстенную, огром-

ную по моему росту, книгу «Детская энциклопедия». Я ее разбирала по страничкам зимними вечерами на горячущей печке, главу за главой. И в зимние каникулы у бабушки меня отправляли в Мосино!

В энциклопедии интересовали меня больше всего негры африканские и индейцы американские. Бабушка научила меня, также, вязать и гадать на картах. Мы резались с ней в «дурачка» и «душу тянули» длинными-зимними вечерами, когда за окном бушевала вьюга, и волки выли в ельнике за огородом. Лес был совсем рядом. А мы сидели с кошкой в старинном каменном, теплом доме и не боялись волков.

...

В 20 лет Агния была симпатичной, круглолицей, синеглазой девушкой – с короткой стрижкой по моде. Такой ее и заметил директор школы Василий Николаевич, ему-то было под сорок. У него крепко болела жена, родив ребенка, она всё-таки умерла, а дети остались. Сидели допоздна в школе, плакали, не хотели идти домой. Сидели они в классе с новой учительницей, с нашей Агнией, пока она проверяла тетрадки после уроков.

Василий Николаевич, – звала его бабушка на ВЫ на протяжении всей совместной жизни, сказал ей – раз дети к тебе, то и ты иди за меня замуж. **Где дети, там и ты.**

А у Аги был любимый парень в Заречном, откуда она родом, и она написала ему письмо туда. Конечно, он ей ответил, но что неизвестно. Потому что В. Адриановский пере-

хватил ответное письмо парня к Аге, и Аге его не показал. Бабушка пождала-пождала месяц-другой, да и вышла замуж за директора школы. Так получилась новая семья. И дед у меня Адриановский!

Василий Николаевич сказал Агнии неправду, что у него всего трое детей, младший – народившийся младенец. Но у Адриановского была еще старшая дочь, Евгения, пятнадцати лет. Жила она на квартире, училась в 9 классе школы-десятилетки в другом селе.

Отец дочери строго наказал: после 9-го класса иди, работай, сама устраивайся, – домой не приезжай. Вот каково это девушке в 15 лет понять, что она лишняя?

Бабушка Ага, когда узнала про Женю – приехала к ней и уговаривала вернуться домой, окончить 10-й класс. Но та помнила наказ отца и не поехала, побоялась. ...Работы она сама не смогла найти, перед войной была безработица, отчаявалась девочка не знала, как жить. Но наша Ага, новая мама Жени, которая старше падчерицы на 5 лет, упала начальнице Районо в ножки, чтобы устроить девушку на работу. И Женю отправили на краткосрочные курсы учителей младших классов. Дали направление и на учебу, и на работу: вот что мачеха выхлопотала!

Через 5 месяцев – сразу после курсов, Женечка стала учительницей в начальной школе, как и Агния Ивановна.

Помни и не забывай. ...Когда в семье родился пятый ребенок, Василий Николаевич вызвал православного батюшку

на дом и тайно окрестил всех детей сразу. Слух об этом дошел до начальства и его выгнали с работы. Они поспешно бежали из Талицкого района в Каменский, на новое место, боясь репрессий. Ехали с детьми на двух подводах, оставив дом, утварь, огород и большую часть вещей в Луговой. С ними ехала нянька- подросток, которая на новом месте жить не захотела, покончив с собой у реки, на ветке дерева.

Дети, и мать моя, запомнили это на всю жизнь. Провели следствие, говорили, что девочка тронулась умом.

...учителей не хватало, и Мосинский сельсовет предложил Адриановским место плюс красивый кирпичный дом, построенный земством для учителей еще до революции.

Я там бывала до семи своих лет. Там мы все жили, не тужили, тетки, дядья, бабушка, я – у леса на опушке, на горушке над рекой Каменкой. Жили вплоть до 1970-х годов, на улице с тополями и черемухой. Потом какой-то мудака из власти решил укрупнить деревни нашей родины, и ввел практику уничтожения «бесперспективных деревень», вот и Мосино обезлюдело. Люди съехали с горы на правый берег реки, в деревню Копырина, а дома заброшенные ушлые люди разобрали на кирпич и бревна. Баба Ага, уже без мужа, в одиночестве забоялась жить у леса и тоже купила домик через реку. Дом поменьше, зато огород побольше. И речка так близко.

Каменку, речку, при мне, в верховьях перегородили плотиной, чтоб сделать пруд для карпов, и речка сильно обме-

лела... Купаться взрослым можно, ползая на животе и сидя на корточках. Стала река неглубокой, по колено. Но рыбка водилась. Ловилась. Дядя Слава, средний сын бабы Аги, когда потерял свою квартиру в Каменске из-за пьянки, отписав ее с пьяных шар жуликам (а с квартирой от него ушла и жена с детьми), снова приехал в деревню жить, в дом бабы Аги, стал работать сторожем на плотине. Ему дали коня, на нем он объезжал владения, охраняя пруд от незаконного лова карпов.

Потом семью нашу большую настигли черные беды. Первой умерла в 7 лет моя сестренка Наталка – единственная дочь тети Нины, старшей дочери Адриановских. Потом родился больным сын у Ии, инвалид детства. Потом младшего сына бабушки, Валерушку, скинули с поезда контролеры, то ли в драке, то ли за безбилетный проезд на электричке из города в пригород. И мы все поехали его хоронить. Мы с мамой и с тетей Ией сели в поезд на жд вокзале Свердловска, там уже сидели все каменские, тетя Люба с дядей Иваном, Вася с женой и Слава. Станислав, чтобы поехать хоронить младшего брата в Пермь, продал своего коня, потому что денег катастрофически не было.

Валерушку привезли из морга и поставили в гробу на лавочку у подъезда. Были две его жены, обе бывшие, Валера был высокий симпатичный парень, про детей не помню. Старший брат Вася в гробу закрыл ему выбитый глаз черной пуговицей. Слов не говорили. Закрыли гроб и повезли

на кладбище. На пермское кладбище.

...

Бабушка говорила, что в партию коммунистов она не вступила, потому что «злодей Сталин» расстрелял всех ее друзей, сельскую интеллигенцию, учителей, врачей, агрономов. Она говорила об этом без страха тогда, когда еще в помине не было перестройки и всякой такой горбачевской гласности. Говорила мне, ребенку, чтобы я запомнила на всю жизнь. Я запомнила, про Сталина всё запомнила.

И ее муж по жизни боялся репрессий, боялся, что и за ним придут из органов, потому что он из семьи священнослужителей. Страх репрессий оставался и после войны. Дед умер рано, до срока, – да и то сказать, он был старше бабушки на 18 лет.

...

Все ж любовь всё преодолевает. В конце 70-х, начале 80-х я ходила по деревне в клешах с бахромой, и бабушка бранилась на меня из-за такой одежды, но все идеологические разногласия нам не мешали понимать друг друга. У нее вместо икон висел портрет Брежнева, Баба Ага считала его красивым, умным: я смотреть на него не могла, даже через силу. В чулане мною были развешаны портреты рок-музыкантов, (провисели долго), и надпись «Щит и меч! Честь или смерть!» еще вроде бы сохранилась. Странно это сейчас читать, все ж я девочкой была, а не парнем.

Еще вспомню из глубокого детства огородного: в 5 лет я

носила красивую фуражку погранцов, с кокардой, и дембельский зеленый френч дяди Васи (по колено он мне был). Мамин брат Вася как раз пришел из армии, с острова Даманского.

На груди моей сверкал, помазанный клеем, вырезанный из открытки ко дню Победы, орден Победы. Автомат из дерева, крашенный черной акварелью, я таскала за плечом, маршируя по огороду. Вот в этом раннем детстве я мечтала пойти в армию солдатом, и почему детей в армию не берут (ведь потом охотка пропадет!)

Но не срослось.

Помню еще, с кузиной Светкой Болтик, мы организовались жарить бобы в самодельном камине, сделанном из серых камней в шалаше, в центре огорода. А бабушка, заметив дымок, быстро прибежала к нам с руганью, затушила огонь, за ухо схватив меня, притащила в дом и в срочном порядке отправила домой, в Свердловск, прочь из Мосино. Очень рассердилась, что мы дом спалим и огород, – жара стояла июльская, сухотень.

Может, поэтому я в детстве собиралась сделать революцию против угнетения детей взрослыми. И все взрослые надо мной ржали (а бабушка мне об этом напомнила в 38 лет, да и моему сынку рассказала). Но вот я о подготовке революции совсем не помню!

Что-то мне, видимо, помешало, а сейчас уже и поздно – пора думать о революции в экологии. Мой сын, когда слушал

от прабабки эту историю, падал со стула со смеха. На бис слушал и на бис падал. Хорошо, что не с полатей. Он валялся на полатах днем, рано не вставал, спал до двух, как и я дитя асфальта, дитя города, как и я. Городские и деревенские люди сильно различаются!

В деревне жизнь правильно идет, у хороших людей. А я не стала учительницей в деревне: хотя, Галя звала меня в Клевакино преподавать и обещала всё устроить, де у них учителей по языку и истории не хватает.

Я ж стала художником и режиссером.

О Гале. Подруга детства моего познакомилась на танцах с парнем приезжим, шефами с Качканарского ГОКа, что приезжали по разрядке урожай убирать (было в советское время такое правило – шефствовать над селом). Вышла замуж за этого парня, сменив фамилию Соколова – на Баранову. Но после 6 лет жизни в Качканаре в замужестве, вернулась-таки обратно в родную деревню врачом, сменив на этом посту свою мать-фельдшера... Гале не пожилось с мужем, она говорила, что он был жесток с нею. Но она долго не уезжала (жалко подушек и перин, жалко приданое бросить).

Дома Галину назначили заведующей Клевакинской больницы и дали в Клевакино квартиру. Эти деревни близко друг от друга, простым глазом видать. Живет она, должно быть, в Клевакино. Галин сын Андрей вырос, он – дока по автослесарному делу, у него дом, гараж, машины и мотоцикл.

Галин папа, комбайнер Коля Соколов перенес тяжелый инсульт, потом второй, он и мама Аля ушли в мир иной и похоронены на общем Мосинском кладбище, где и мой дед похоронен и баба Ася-Соф. Школу старинную с садом купил новый русский и сделал из нее баню-сауну, его Галина Димкой кличет. Детей там не хватало для комплекта и школу закрыли, после того, как деревню Мосина признали бесперспективной.

...Дом-избушка без бабы Аги в Копырино опустел. Бабушки не стало 30 июля 2004 года.

Похоронена она в Перми, на Северном кладбище, где живет четверо ее детей, пятеро внуков и много правнуков. Там она обычно зимовала, на лето возвращаясь в деревню. Остальные потомки жили и живут в Каменске и в Екатеринбургe.

Бабушка скопила на похороны свои столько денег, что и на сорок дней осталось, и на памятник хватило (она постаралась так сделать, чтобы детям своим не доставлять неудобств). Вот такой был ее характер.

Агнии Ивановне Адриановской, в девичестве Шиховой, исполнилось 86 лет.

Бабушка писала стихи. Ровным, красивым округлым почерком исписана толстая тетрадка, мне ее стихи очень нравятся, но я, конечно же, субъективный читатель, потому что мне всё нравится, что сделано бабушкой. И носки-варежки,

ею связанные, и супы ее с картошкой, и стихи, и мудрые побасенки.

Бабушка человек сильной воли, с оптимистичным взглядом на жизнь, справедливый, прямой, великодушный, веселый. Разве таких людей сейчас где встретишь?

...За 7 дней до кончины, баба Ага ходила с Женей, той Женей – тоже уже старушкой, в церковь. (В бога бабушка открыто стала верить в преклонном возрасте). Вышли они из церкви, попрощалась она с тетей Женей, всем поулыбалась и пошла на остановку. По пути ей становилось так плохо, что три раза она ложилась на землю, от слабости, но потом упрямо шла вперед; до дома своего бабушка дошла (жила она у Нины, старшей дочери) и присела на лавку у подъезда. Там ее и нашла соседка. Побежала к Нине Адриановской, – вызвали скорую. Обширный инфаркт. Положили бабу Агу в больницу.

За два дня до смерти, в больнице она сказала дочке Злате: «Передай всем, кто спросит: Чему быть, того не миновать!»

– А чему быть? – спросила Злата

– Тому не миновать.

Умерла бабушка в палате больничной, в пятницу, в здравом уме и трезвой памяти. В 2 часа дня спросила она у плачущих дочерей своих, Тани и Златы: «Где свердловчане? Кто еще приедет?»

Остальные ее дети с внуками, и казенские, и свердловские, поднимались по лестнице: на пять минут опоздали про-

ститься с бабушкой.

Слов у меня много, как и потомков у бабушки Аги, пра-родительницы нашей, а всё ж слов не хватает.

Нет больше на земле Агии Ивановны – царствие ей небесное!

ПТИЧКА МЕДОВ

сценарий

Время действия: 2000-е годы

Место действия: Екатеринбург, квартира, концертная площадка в Доме актера.

Действующие лица:

Сергей Медовщиков, «Медов» (55 лет) – автор-исполнитель, он же мануальный врач

Алена – его жена, 26 лет

Дочки и сынки Сергея и Алены

Гостья на кухне, журналистка, 40 лет

Замредактора журнала «Урал»

Слушатели на концерте и др.

Часть 1. Квартира Сержа. Внешне он похож на птичку-воробушка – такой же маленький, худенький и быстрый. Работает массажистом, лечит детей, взрослых, старух, даже спортсменов. Руки у него золотые. Ему доверяют, и поэтому к нему очередь из «болящих». Дома у него отстроен кабинет на первом этаже.

Кухня 3х-комнатной квартиры: Сергей перебирает струны дорогой акустической гитары, сидя на табурете. У него слушатели – из домашних и гостья, журналистка.

Он не может усидеть, когда поет Бродского, он вскакива-

ет и поет, вытянувшись стрункой: поет голосом, дребезжащим и глуховатым, как металлическая сурдинка. Его слушают две женщины. Одна молодая, с ребенком на руках – его жена Алена. Сергей недавно вторажды женился, и родили они сначала дочку Зою, а потом сына Егора и потом снова сына.

...гармонию слушаем, медитируем.

Устав петь, Сергей глотает чай из маленькой чашечки и отвечает на вопросы. *Серж Медов* – это он, наш герой.

Так меня звали еще в школе, я пришел в новый класс, учительница воскликнула, что это – уже шестой Сергей в классе: и пусть он зовется на французский манер – Сержем.

Итак, Серж Медов, знакомьтесь! Бывший художник-оформитель, бывший юнга, нынешний массажист, поэт, писатель (пишет он, помимо песен, мемуары об эпохе своего послевоенного детства – и их печатают в журналах, влёт).

А песни его о любви, например «Бархатное лето» – хит всех курортов российского юга.

Большая часть песен написана на стихи поэтов Серебряного века – Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама, Гумилева. А потом и Бродский полюбился Сержу.

Играет он на гитаре скромно, считается, что поет в пределах двух октав, но несмотря на столь небольшой арсенал используемых средств, поет-то как классно, наш герой!

У него выпущено 5 альбомов на студии звукозаписи «НП Рекордз» Виктора Зайцева. Еще Серж организовал и ведет

Поэтический клуб любителей поэзии Бродского. Он говорит, что понимает все движения души поэта, причем так же, как свои.

И с Аленой он познакомился, используя свое служебное положение, статус «звезды», – узкого круга почитателей таланта – но звезды: Аленка, студентка универа, с филологического факультета, пришла к нему в клуб. Все разошлись после заседания, а студентка—филологиня осталась. Вот там-то они сговорились, он зазвал ее слушать музыку к себе домой, и вскоре они поженились. Девушка приехала к Сергею жить постоянно, переехав от родителей из Нижнего Тагила.

Часть 2. Дом актера

Серж распевается, глотает чай перед концертом. Настраивает гитару. Ему чуть-чуть некогда, но он все ж отвечает на вопросы смешиников:

«В 20 лет работал в оперном театре Перми. Поехал на гастроли, и там сорвал голос. Потому что пел с ангиной. С тех пор с театром пришлось завязать. Но душа не успокоилась, душа просила песен. Первую песню я написал еще в 14 лет. И писал потом песни всю жизнь. Лет в 30 с лишним пошел поступать в консерваторию. Прослушав мои сочинения, комиссия резюмировала: «У вас – изумительное чувство гармонии, вы готовый композитор. Вам нечему учиться в консерватории! Не приняли».

И Серж продолжил свой композиторский и исполнитель-

ский труд без диплома (тому подтверждением афиши его многочисленных концертов).

В Доме актера бард дает полноценный концерт в поддержку журнала «Урал», который «умер, готов умереть» как редкое явление культуры в условиях нового российского капитализма. Серж сам напечатал билеты, сам сбегал по фирмам – билеты продал.

Продал, и вот зал полон. Собранные деньги от билетов Серж торжественно вручит редактору журнала Олегу Капорейко.

Зрители слушали Сержа долго. Это в основном женщины разного возраста, больше пожилого.

Концерт длится уже 4-й час, но никто не уходит. Я заметила и присягну, что приняв его один раз, люди навсегда доверяют ему.

Сергея всегда будут слушать внимательно и хлопать в восторге. Только два мужика дошли до бара и поправились коньяком, но они потом вернулись. Серж все делает очень основательно и профессионально; случается, основательно-занудно. Он представитель старой русской интеллигенции и чужд «клипового» сознания, так он заявляет.

Концерт, кстати сказать, посвящен творчеству Александра Вергинского. И Сергей чем-то внешне напоминает Вергинского. Те же морщинки, те же жесты, такая же прическа. Так же завораживающе звучит его голос. Он поет свои песни, а песни В. ставит на пластинках, представляете себе –

концерт с пластинки – вертак на сцене, рядом усилки!

Человек творческий всегда найдет себе поприще и не свернет с него. Сделает то, к чему призван, во что бы то ни стало.

Сергей Медовщиков, как птичка – легок на подъем. И без страха делится своей жизненной энергией. Забавный, харизматичный, он совсем не типичен. А также очень добро-сердечен, отзывчив. Он старомоден и сознательно заиклен на Вертинском, потому что они одной крови, так считает Серж.

Человек он милый нам, ангел во плоти.

И денег он ни у кого не просит. Сам зарабатывает, а пес-нями-концертами журналу помогает. Кому от этого плохо? Всем хорошо. Летят цветы на сцену. Зам. редактора Капо-рейко деньги принял на подмогу журналу.

Сейчас триумф Сержа. Селфи тогда не было. Аплодис-менты были. Жена Алена с младшим ребенком ждет его у лестницы...

ПОЭТИЩЕ

Напротив входа в старое, запущенное кладбище в центре города, в красивом желтом, оштукатуренном доме с полуколоннами и круглым окном под сводом, жил 50-летний господин, поляк наполовину, наполовину еврей, еще мальчишкой эвакуированный на Урал с родителями в Великую Отечественную войну. ...стал он не киевским башибузуком, а уральским интеллигентом. Полный, чуть ли не толстый, кареглазый, вальяжный как киноактер с запоминающимся лицом из семьи РаджКапуров, – гулял он с собачкой, пуделечком Глашей, по улицам микрорайона в модном заграничном пиджаке и знакомился с разными девушками, которые обычно заинтересовывались милым песиком. О песике разговор и завязывался. Далее следовал обмен телефонами, приглашение в гости, в дом с круглым окном под крышей.

....

Войт, друг своих друзей, они звали его за начитанность «Профессором», нарцисс, он жил внешне очень хорошо, упокоившись на лаврах своих мифических подвигов, их он сам же и сочинял. ...Если барон Мюнхгаузен всегда был готов к подвигу, то этот нет, категорически не готов. Готов был Войт говорить часами о преследованиях КГБ и тягестях диссидентской жизни в России. В Сибири, в ссылке, говорил он, стихи писал да с девками романы крутил. Он, ко-

нечно же, начитан, образован, и со вкусом у него в порядке. Культуртрегер по жизни, бескорыстно подтягивал других к красоте во всех ее проявлениях.

Притон был его в доме? нет-нет, не притон, очаг культуры. Бах, свечи, витражи (это по советским-то временам встречалось нечасто), подставки, подсвечники, светильники и висяльки вместо дверей, фужерчики, шарфы и импортные майки, и другие красивые вещи. Он любил красоту.

Его жена догадывалась, наверное, о девах, которых он приглашал домой в ее отсутствие. Она уезжала на пять дней проводником на поезде пару раз в месяц, а радушный хозяин поил и кормил делегации гостей, которые сам наприглашает, на ее же деньги. На пенсию по диабету третьей группы немного попьешь. Жена, по его словам, прощала ему все эти общения, считая его лучшим мужчиной на свете, так я думаю. Или ей было все пофиг? Или жить ей негде было окромя родителей? ...но я все же, склоняюсь к мысли, что она его крепко любила.

Обычно, услышав краешек телефонного разговора, говорила: «Ты на свидание? опять наши девочки самые-самые?». «Да, лучшие – иначе и быть не может!», – отвечал он. Может она им гордилась, а может любовь напополам с чувством ревности взбадривала ее после тяжелой работы, напоминала начало их знакомства, хипповую юность ее?

Он жаждал любви, любви, любви. Маскируясь умными цитатами и шутками, он все ж таки мог по-настоящему влю-

биться и переживать на все сто, хотя семью берег и к жене относился с уважением. *Зачем человека обижать?* говорил он разгулявшимся не в меру девчонкам. Приходило ли в его породистую голову, что он есть альфонс, живущий на заработок жены, и должен быть ей благодарен за это по гроб жизни? Нет, наверное, тогда нет, он был слишком высокого о себе мнения, – а сейчас мейби иначе. Ни с кем он жену никогда не обсуждал. Вообще никого не обсуждал, не сдавал на плохие слова, был крепкий парень в этом плане. Таня его, выйдя замуж за него, бросила факультет иностранных языков, всякие переводческие дела, и пошла работать проводником на железную дорогу, чтобы поддержать мужа, находящегося в вечном творческом поиске и не способного к работе, *тупой и унылой*, как он объяснял. Он ей вместо дитяти достался, хотя она младше его на десять лет.

Он считал, что был диссидентом, и это давало ему право не работать. Сначала с *волчьим* билетом после отсидки его не брали на работу в редакциях, а потом он привык, смирился. «А в Сибири, я писал стихи, это было самое счастливое время моей жизни», – говорил он.

Писал он, с двадцати до сорока лет, обычные лирические стихи, в год по десятку – не более (нигде, увы, не напечатанные). Их всего тетрадка, из которой он иногда строчки зачитывал людям, к которым был расположен...

Не гений. А мы-то думали, что наш Войтик гениальный поэт, считали мы так с Ленкой в свои 26.

Войтик еду готовил, чистил квартиру, ухаживал за собачкой, пока жена ездила с поездом до Москвы и обратно, и принимал бесконечные делегации гостей. Гостеприимство поистине русское.

Жизнь – это вечный праздник неги, который он сам себе и своим гостям устроил, единожды принятым волевым решением. К людям Войтик был настроен дружелюбно. Страну и власть критиковал, ругал, бранил, и каждый день поднимал **еврейский вопрос**. Кричал, волнуясь, что **будут погромы (!)**, и во всех бедах и несчастьях страны обвинят опять евреев – безродных космополитов. И надо когти рвать с русской женой отсюда в Израиль. Здесь не жизнь – здесь голод и обнищание.

– С Родины гонят, гонят с Родины! – возмущался он.

– Что ты милый, никто тебя не гонит! Живи спокойно, останьтесь! – говорила я.

– Нет, будут погромы...

– Кто их устроит, ну кто пойдет евреев громить?

– Шовинисты, их полно. Надоела дурь политиков, надоела холодная зима, унижения, бедность... хочется жить без этого.

– Ну а я? я шовинист российский, а?

– Ты нет, тебя мать действительно не научила различать людей по национальному признаку, ты в этом ничего не понимаешь: с тобой о евреях говорить бесполезно, ты даже очевидные лицевые признаки не различаешь.

Действительно, в конце 80х – начале 90х годов была голо­духа, можно было полдня проходить по магазинам Пионер­ского микрорайона и не купить теста и капусты для пирога. Пустые прилавки. А также лука, молока, мяса, масла, сыра, колбасы пресловутой, рыбы и многого другого, чего сейчас навалом на рынках и в магазинах. В пустых витринах бодро строилась газировка в стекляхах, и лежали россыпью сушки, а также лавровый лист. За все остальное надо было биться с утра в очередях. Иль иметь блат!

Мне, например, помогли американские посылки для сту­дентов с детьми, и мы пережили голодную зиму 1991-го на сое, бобах и рисе из огромной американской коробки, ко­торую с трудом дотащили до моего дома и холодильника два парня из универа.

«Итак, полжизни я с тобой в России пожил, полжизни ты со мной в Израиле поживешь!» – говорил Войт жене.

Собирались они в палестины всерьез, вещи распродали – недорого впрочем: чем ближе к отъезду, тем стремительнее падали цены. Они таки уехали, бросив квартиру, мебель, книги, большую часть одежды. Взять не было никакой воз­можности! Вещи и накопленные деньги (кроме малой фик­сированной суммы) – брать тогда евреям с собой не разре­шалось. Это неправильно – ведь они это заработали на рабо­те, на наших же предприятиях, жд, в наших же учреждени­ях. Получается, обокрало их государство, стыдобушка!

Жить по приезду Войтики стали в городе Хайфа, там колония «русских евреев». Танюша выучила иврит, у нее легко шли иностранные языки, и устроилась на работу в аптеку, а пан поэт учил-учил в шестимесячной школе родной язык, да так ничего и не выучил, остался с русским языком – поэтому на работу опять его не взяли. Как и в России, стал сидеть дома и полнеть. Его родная стихия, как оказалось, это русская литература, язык Пушкина, Тургенева, Набокова, и от нее он так и не смог оторваться, несмотря на тысячи километров.

...Так и сидит в жару в уютной квартире, ест, готовит, – общаться не с кем, скучает по русским девам, пишет им письма с видами Земли обетованной; твердит им, что русские женщины самые умные и самые красивые в мире.

Когда уезжал Войт, то громко плакал, вытирая носовым платком лицо. Поел моего пирога с картошкой на прощание и спросил: Когда еще уральской картошечки поем? – совсем по-стариковски. Подарил моему сыну подарки и сказал «Учись хорошо в первом классе!». Мне альбомы свои по искусству и коробку одежды притащил. ...Всё даром, всё, что хотел сначала распродать. В газету «Ярмарку» объявления давал, потом плюнул и с уральской щедростью всё раздал знакомым. Я овсяного цвета жилет, вязаный, носила долго.

...Жалко, что уехал хороший человек. Порою нам его не хватает, пусть и тунеядец он по советским понятиям был.

Старится там наш плейбой, в ихнем Израиле.

В доме с колоннами, что напротив, ремонт не делали давно, он утратил былой блеск и величие, там, небось, живет какая-то простая семья, – квартира Войта занята.

В окнах – шторы. А вдруг позвоню я в дверь на третьем этаже, и поэт откроет дверь мне? Вид напротив дома улучшился – на кладбище церковники возвели каменную ограду вместо унылого зеленого деревянного забора.

Погромов не было, но началась чеченская война, первая, потом вторая.

И наши евреи, бывшие сограждане, живут рядом с Ираном и «арабскими террористами», – из огня да в полымя, из мира на войну их забросило.

Мне кажется, что там ему скучнее без нас, чем нам без него. О поэте-плейбое мы редко здесь вспоминаем – в текучке активного творчества, выставок, конференций, работы и учёбы. Некогда притормозить, вспомнить о Войтике, как ласково называли мы его с подружкой Ленкой, – и она теперь в эмиграции в США, вышла там дважды замуж, сперва за летчика Матье, потом за еврея Дэвида. Здесь ее мужа, Леву Пластока, бизнесмена, убили очередью из автомата бандюки, отобрав впоследствии 3-комнатную квартиру. Отдельная песня. Его долго искали. Нашли по весне – машина оттаяла на дороге в Шадринск. Ленка была испугана этим происшествием и из Штатов на похороны не приехала; да и то, развелись они накануне отъезда. Недавно Ленка приезжала

отчима своего хоронить. Побыла и быстро уехала. Дочь ее, Юля, тоже там живет, под Нью-Йорком, где-то. Внука Лене родила.

А мне тоже свезло выйти замуж за актера, парня-волжанина, из Нижнего Новгорода, мы прожили с ним менее 5 лет...

Этот рассказ о пане-поэте написан, чтобы совсем не позабыть хорошего в сущности человека.

ЗИМА – СЕРЕДИНА ЖИЗНИ

Зима, холода. Из окна дует. 1996-й год. Фрамуга от намерзшего слоя льда частично не закрывается. Авария теплотрассы в подвале дала клубы горячего пара, которые намерзли ледяными торосами на подъездной двери и на окнах. Дверь гостям отпирать я выходила с молотком или кипящим чайником – чтобы лить на заклинивший замок, иначе никак. Сейчас у меня мерзнут пальцы, когда я печатаю на компьютере. Вспоминаются детские книжки с описанием военных зим в тылу, без дров. Подумываю всерьез о перчатках. Сходила – искала перчатки, не нашла, нашла варежки, их за лето погрызла моль, и печатать можно, просовывая по два пальца на руке в дырочки.

Вчера в редакции газеты «Главный Проспект» встретила Сергея Молодцова, он пришел туда в гости, будучи уже не журналистом «Главного проспекта», а шеф-редактором газеты «Двойной Экспресс».

– Ты ли это Света? – сказал он с сомнением, – Ты уже выздоровела? А Кречет сказал, что ты на операции, что всё плохо у тебя. Смотрю, ты не ты, а гость с того света.

– Сделали операцию да, уже, я вылечилась, я здорова: да я это, я. Поверь.

– У нас в редакции и во всей мэрии отключили свет, электроэнергии нет – компьютеры не работают, женщины укуты-

вают их шалями от холода. Никогда ведь в середине ноября не было раньше таких морозов, за двадцать градусов.

– Да, не было. Осень поздняя, зима ранняя. А гонорар за август ты мне будешь платить?

– Нет пока. Не ты одна в таком положении, у нас денег нет на гонорары. Да и что там платить, у тебя всего 20 рублей за статью, у нас гонорары маленькие, стоит ли переживать?

– Не стоит. В газете «На смену» мне год тянули выплату за сентябрь 1998 года, а потом заплатили мелкую сумму, рекорд в Книгу Гиннеса – 6 рублей, новыми деньгами. Так что ваша газета не одна такая плохая.

– Ну да. Я когда умру, ты напиши обо мне, Света.

– ?

Позавчера я отметила свой День Рождения. Были Ната с Сережей, Таня, Галя с Хавьером из Испании, он здесь живет второй года с перерывами на лето. Кто не пришел? – многие из приглашенных не пришли. Серж Медов заболел дизентерией, у мамы заныла шея, или она укатила картоху в Мосино по снегу собирать, а это свято деревенским. Нет вру, картоху она копала в сентябре, когда у меня была свадьба в Доме работников Культуры;

а нынче, она была с подарочком накануне – это такой конвертик, а в нем сто рублей одной картинкой, и две брошюры, сейчас скажу их точное название, а: «Радуга прав» – брошюры, созданные для просвещения женщин, относительно их

прав, гарантируемых законодательством РФ, при поддержке Американской ассоциации юристов, одна про развод, другая про домашнее насилие.

Еще принесла картошки, свеклы, морковки и полкочана капусты. Я из овощей сделала салат. Еще испекла пирог с картошкой. Таня купила торт «Земляника», Хавьер, сосед испанский, – конфеты. Были водка и вино «Кабриолет», да вот только вино «Кабриолет» вкус подрастерял свой тягуче-изысканный со времен существования Музея молодежи. Много воды утекло, so that весной, на презентации альбома Сергея Медовщикова, вино сие было вкуснее (я даже подумала, что это португальский портвейн бокалов батареей стоит на столе!). Спросила у Сержа в интервью, что это за вино, вот тогда мы с ним и познакомились, впервые. Он бард известный в городе – голос сорвал, будучи хористом оперного театра 20 лет назад. Уйдя из театра, стал писать песни и их исполнять, а на хлеб зарабатывает массажем и телепажем. Завидный жених. Разведенный мужчина, а дочь взрослая (дочь выходит замуж за художника Лукинова с киностудии, на 30 лет себя старше!).

Галилия, знаток европейской литературы средневековья, вернулась недавно из паломничества по Испании, – привезла мне охру, марс – масляные краски, и оригинальные конфеты с портретами испанских королей – «изучай историю!», а также, с нею вернулся мой жилет **пилигринуса** с красным католическим крестиком на кармашке. Этот жилет я поку-

пала сыну для поездки в Питер, три года назад, в торговых рядах на ул. Вайнера, по 80 рублей, уже тогда это было дорого, но зато как он пригодился! Сейчас жилет Прохору мал, а на мне еще сходитя – там, где повыше да поближе к шее – сходитя.

Все-таки удивительно, что этот простой джинсовый жилет с кармашками видел Испанию, спал в спальнике на соломе в **рувихио** – такие специальные домики для святых паломников, сидел на Галиле за столиками в кафе при распитии вин и поедании рыбных блюд, носил в кармашках песеты и удостоверение паломника. Жилет стоял в церкви на католической службе ...и получал индульгенцию в соборе Святого Иакова – отпущение всех грехов... потом летел в самолете из Сантьяго с Гибралтарского залива до Москвы.

Вот сидим. Наташа, однокашница по универу, тоже искусствоведка, говорит мне промеж беседы: ...Что-то у вас совсем абажура нет, одна лампочка висит, подслеповатая.

Я ей показываю: абажур вон где лежит, на телевизоре, снят он.

– Вы яблоки в нем хоть храните, – томно шутит Наташа. С такими круглыми абажурами, пластик под стекло, вся страна жила раньше, ну не страна, так весь наш уральский город точно: ЗИК – завод имени Калинина выпускал такие абажуры. Я его купила в конце 1980-х, когда переехала в новую квартиру, хрущевку.

Моему супругу – Олегу Кречету, повезло, он в кабак

на Уралмаше «Солдат удачи» завербовался работать певцом по субботам. С утра, выпив пива и еще чего-то целебного, вроде настойки боярышника на две трети с водой, он обзвонил по телефону и созвал всех своих уралмашевских друзей в кафе на себя гениального посмотреть. К шести вечера он отправился туда довольно заторможенный и благодушный, с слегка нарушенной координацией. В кафе, как оказалось, еще водки принял в перерывах между песнями, да вообще-то он к микрофону не выходил, сидел с гитарой за столиком в компании. Началась драка, птицам, воробьям и кречетам в драках всегда попадает... он оттуда ретировался без физических потерь и пропил всю ночь с друзьями в заимке. Лежа в гостях на матрасе, в течение следующего, похмельного дня, он задумал свой альбом, второй (первый мы с ним вместе записывали), – с тремя гитарами и подпевкой женской. Наутро звонил мне, по его меркам очень рано – в 10.00, пропев **«С днем рожденья, любимая!»**, быстро положил трубку, чтоб не допросили или не отругали, не нарушили жизненный его процесс, и стал он, как умеет только он, готовиться к встрече, взбадривая себя алкоголем. Когда в три часа дня, дух его был бодр и готов к поездке домой, язык уже совсем не слушался, и тело не слушалось тоже, но он бодрился в трубку и в мои уши уверял, что трезв.

Куда я его послала, понятно, в баню. Потом с час звонили разведчики, выпрашивали на разные голоса, чей это телефон, или спрашивали «где Олег, когда будет – давно не ви-

дали», и можно ли меня поздравить с днем рождения...

А он руководил этим бандитским хором, компанией собутельников. Хитер, птах, расстегай, кречет. Приехав в 20 часов вечера, уже всамделишно трезвый, замерзший, красиво тонконосый, с холодными щеками и руками, схватил гитару и долбанул песню Чижика «Хочу чаю» – гости обрадовались до слез и до общих лобызаний. И откуда что берется, – говорила Наташа, – невысок, невелик, а как запоем ...энергия, страсть, голосище, откуда-то льются.

Проводил муж гостей, спешащих к детям, на бабушек оставленных, любимой Наткиной песней «Клен»: «Там где клён шумит над речной волной, говорила мы о любви с тобой. Отшумел тот клен, в поле бродит мгла, а любовь как сон стороной прошла-а-а!». И вымыл всю посуду. Хорошо, что я затеяла этот день рождения, не побоявшись в стенной семейной газете вскрыть свой возраст. Середина жизни!

1999/2000 гг.

СЧААСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

*посвящается поэту **Борису Рыжему***

Я купила в автобусе счастливый билет. Сумма трех цифр слева совпадает с суммой трех цифр справа, 12 и 12, счастье будет мне! Будет счастье мне, женщине! Я принесла билет домой и сказала мужу, Кречету, который грустил на кухне: «Съешь его – счастливый билет».

– Да нет, ты лучше сама съешь.

– У меня и так все хорошо, а ты что-то печален.

Он воспринял это, как обычно воспринимал мои слова, обращенные к себе, как женский диктат в семейных обстоятельствах, ругнул феминизм, и стал есть билет по кусочкам, которые я ему отрывала. Я-то, надеялась, что муж работу, наконец, найдет постоянную, а то он год не работает нигде, или в конкурсе «*Патра*» – *пошли по почте сто пивных этикеток!* выиграет.

Или спонсора на выпуск магнитоальбома «Откровения», первого и последнего, созданного нами на студии «Стартрек» еще в 1997 году, найдет. Но того, что случилось после, я никак не ожидала. Давясь и запивая пивом, он съел эти мятые бумажечки. И через два дня исчез. Ушел к другой.

К Снегурочке из частного театра Миниатюр, где халтурил на елках Дедом Морозом. Когда я спросила его через

три недели, внезапно пришедшего за трусами и носками, *как живешь?*, он ответил *хорошо, не вини себя ни в чем*. Понятно, что я горела дизайром его во всем винить, что, впрочем, не исключало чувства вины, возникающей неотвратимо, подспудно.

Ты-то себя ни за что не винишь? – спросила я, догадываясь об ответе и досадуя на свою догадку.

– Нет, не виню. Любил тебя, как умел, – ответил он с улыбкой.

Мы подали на развод. Заплатили государству пошлину, поделили вещи. Через месяц нам выдали каждому по гербовой бумаге с 10 курицами в коронах и с палками в руках, жезлами-символами власти, то бишь, выдали свидетельство о разводе, и сказали ни в коем случае эти бумагу не терять, а то развод будет недействителен. Мне захотелось спросить у женщины-регистратора, а что тогда будет действительным, снова брак? Но я промолчала, лишних сил у меня не было. Мы сходили в магазин – хотели там чего-нибудь выпить, но на крылечке винного отдела расстались. Я убежала, да и он догонять не стал.

Кто ж знал, что меня ждет измена? Не знала я этого в трамвае.

Через день после первого билета, в трамвае мне достался второй счастливый билет. Ну, думаю, не выбрасывать же его. Удача – такая редкость в наше время! Пару раз за полгода свезло! Пока шла домой – сжевала его, всухомятку...

И тут на меня свалился писатель-бизнесмен Дрим, фамилия у мужика белорусская. Случайно совершенно, так мне показалось. Пять лет мы ходили по одной дорожке мимо, в одном здании, и друг на друга не обращали внимания. А тут вдруг законтачились. Это он заметил, что я сижу печальная у окна, ожидая мужа, и предложил мне отведать вина в интеллигентной компании писателей и издателей, даже назвал меня по имени. Не помню, каким, но мне кажется, не соврал.

Продолжение этой истории последует на супер-скорости, конским галопом, лепешечным пунктиром! Впервые за последние годы жизни у меня появился поклонник с «Мерседесом», со своей личной фирмой, двумя взрослыми собаками и взрослым сыном, профессионалом-дизайнером.

Таня – моя подруга сказала на все на это: фи, у него явно нос картошкой.

– Нет, не картошкой, – возмутилась я. Нет, у него наоборот нос сложной формы, там много площадочек.

– Всё равно какой-то не такой нос, и рост у него маленький, – упиралась Таня, а она девушка стильная, школу манекенщиц окончила и сама ставит показы мод, мне трудно с ее вкусом совсем-то не считаться.

– Неужели ты думаешь, что своим разговорам о носе испортишь мне счастье, которое я так ждала? – прекратила я прения. Буду любить, пока не надоест. Пока судьба нас не раздавит!

Дрим вмешался в недописанную историю, он во все вмешивается, редактор кренов, такая у него работа:

– Нужно усложнить сюжет, еще кого-то добавить, в рассказе нужен треугольник!

Ни к чему усложнять, какой там треугольник, – противлюсь я... и так у меня в жизни с разводом проблемы. Еще и в литературу их тащить, зачем? Я-то своим знакомым сказала, что ты мой издатель.

Он вскидывает голову с пшеничными бровями и усами, стиль «Вильгельм – король Пруссии», и гордо вопрошает: Почему всегда в отношениях с мужчиной материальное использование предполагается? почему же не по душе?

– Ты женись и будет по душе! А-то как иначе мне сохранить реноме?!

– И то верно! Но я женат.

Все было хорошо, да недолго. Меньше месяца. В последнее время при встречах Дрим шутейно загнобил меня фразами: «те, кто только учится писать, пусть мэтров не учат», «помощь юным авторам», «выдам заявление о выходе из кружка» (вспомнили старый похабный анекдот? хотя вспоминать противно), «средний, очень средний Урал» – это все он мне за четыре дня успел наговорить – столько обидного! Начал гнобить меня с дня Святого Валентина, дня всех влюбленных.

Хочется и ему, Дриму, на этих самых площадях, в ответ

что-нибудь язвительное врубить, чтоб заплакал ночью в подушку от обиды, чтобы дернулся сердцем, оторопел, но я из всех сил сдерживаюсь. Я полагаю, что Дрим – добрый и благородный, спокойный и рассудительный человек, а всё злое в нем наносное и не характерное. Лучше поспать пойти, забыть все.

Женщину, которой достался мой муж, зовут Олей, я ее видела, но лично не представлена.

Амплуа ея в театре – бабка Ежка, Карлик-Нос и Снегурочка. Пока я его, Кречета, отпускаю на все четыре стороны. Постараюсь объяснить, почему так легко и без боя. Я увидела, в трамвае №18 над окном висит рукодельная ваза, из зеленой бутылочки «Спрайт», в ней ИКЕБАНА из живых цветов и колосьев пшеницы. Это в нашем-то мрачном городе! И это не все чудеса. Висят еще игрушки, сделанные детскими ручонками, на поручнях, вот! Воистину, мы вошли в новую эру человеческих отношений – соседские бабушки моют пол в моем подъезде до блеска, высаживают рябину под окном. Сапожник отказывается от платы за ремонт ботинок, когда узнает, что перед ним лежат мои последние деньги, кондукторши украшают трамваи цветами – какие же еще нужны доказательства? Пусть букет-муж будет свободен и растет как цветок. При обидах я вспоминаю зеленую вазочку и цветы, и успокаиваюсь.

Шла я тут как-то с рукописью своей в Дом Работников

Культуры (Дом писателя) – показать ее мэтрам, то ли в Союз писателей России, то ли в Союз российских писателей, их там два – из-за постоянной диффузии членов из СРП в СПР и наоборот, я перестаю понимать, где тот союз, а где этот. А на улице Ленина мне цыганка навстречу и говорит «Губы у тебя веселые, а в душе грусть. Любят тебя двое, один беленький, другой рыженький; нет трое, но один просто балуется, а ты с рыженьким останешься, с этим вот сердце успокоится».

Раздумывая над ее словами, я вхожу в здание.

– Здравствуй... Кречет неожиданно вышел мне навстречу, здесь его театрик базируется.

Я молчу, стараюсь на него не смотреть, он со Снегуркой-разлучницей вместе; неожиданность какая!, мне поплохело. На максимальной скорости бегу мимо этой парочки к двери.

Кречет следом: – Можно с тобой поговорить?

Я: – Нет.

Почти тут же из своего кабинета выходит Дрим, и он здесь заседает, здесь его небольшой офис. Как тут всё туго завязано! Здравствуйте, свидетели моей слабости, сейчас прольются слезы, они уже наготове! Что же мне делать, куда скрыться от этих людей, дверь в актовый зал закрыта, отступление с их глаз невозможно.

А навстречу мне из СРП выплывает поэт, бывший боксер, меткий стрелок, охотник на кабанов, Борис Рыжий, голубо-

глазый шатен – у него я брала интервью пару месяцев назад для газеты одной – областной. Вот оно спасение, вот как съеденный давеча билет подействовал!

Я простираю к нему руки, локтями внутрь, сердцем наружу, в прыжке вжимаюсь в распахнутые полы его белого плаща и кричу: Борис, ЗДРАВСТВУЙ!

Он с готовностью меня целует в щеку, и радостно восклицает:

– Здравствуй! Я скучал по тебе в поезде. Как приехал – так звонил. Читал твою прозу – она у тебя стучит как электричка. И поэтому тебе надо писать стихи! Куда ты подевалась?

Неторопливой походкой, философски настроенный Дрим проходит в свой кабинет. Забытый Кречет кружит по залу вокруг колонн, и, приоткрыв рот, упорно разглядывая нас со всех сторон, пытается вставить слово. Но к нему не прислушиваются. Подруга Кречета, постояв-постояв в ожидании, – ушла покурить на лестницу.

Я прячу лицо.

– *Я вспоминал тебя в Питере!* – смеется Борис. Айда, со мной, на охоту, послезавтра.

– Когда, какая такая охота?

– Полшестого утра. Охота на кабанов.

Я не знаю что ответить:

– Да, неужели?

– Я написал новые стихи, – они другие, они плавные, они спокойные, совсем не такие, как прежде. Я дам тебе руко-

пись почитать! Я подарю тебе свою новую книгу, – он широко жестикулирует, размахивает руками.

– Да ну? Ну да? – я не знаю что ответить, мне хорошо.

– Я еще купил компьютер навороченный. Скажу тебе пароль, и ты всегда сможешь зайти на мой сайт.

– У меня нет выхода в Интернет, нет модема.

– Решаемо!

Я держусь за его огромный белый плащ и нетвердо представляю ноги по направлению к выходу. Перекрикивая неизвестно кого и радуясь, мы проходим мимо этих стен и этих людей. Выходим на улицу.

Началась весна, нет в этом сомнений, день легче свиста, солнце качается на ветру. Машины на стоянке, как рыбки на последней подледной рыбалке, рады солнцу, блестят цветными выпуклыми боками. Я не верю своим ушам, что я слышу!? я купаюсь в ощущении собственной значимости. Я в радости.

Борис-то молодец, «Антибукера» получил и премию «Северная звезда» за свои классные стихи. Он учил, да, да, учил меня писать стихи.

Сам читал наизусть русских поэтов 19-го века, томами. Часами, по памяти.

Даже добрался как-то до моего дома на такси, в легкой одежде, и потом на кухне клацал зубами от холода, в дом проходить застеснялся и быстро уехал. Уехал так же стреми-

тельно, как приехал, в ночь. Я же, кулема, побоялась с ним завязать отношения больше, чем просто приятельские. Я подумала, что он бедовый парень и с ним переживаний (которые истрепали мою душу к 2000 году) я еще хапну. Да и он меня младше почти на 10 лет.

....

Прошло 2 месяца. Открываю утром дверь квартиры своей, а из двери вдруг вылетает и опускается на утопанный пол узенькая бумажка. Сходив, за хлебом, я ее все-таки подняла на обратном пути; это оказался сложенный билет Трамвайно-троллейбусного управления. Что это, – мне их уже на дом приносят, кто в курсе? Дрим на трамваях не ездит, у него «Мерс». Но он легко сознался по телефону, что специально ездил в трамвае, пока не надыбал счастливый билет и не принес мне. Это отступной.

А мне он уже и не нужен!

Я бросила его в чей-то почтовый ящик, пусть полежит, может, кому сгодится. Да и вирусов на нем тьма! Я сыта этими билетами.

Может создать в городе Банк счастливых билетов для желающих, общак такой?

...На охоту мы тогда с Борисом не поехали – только посмеялись. Борис про эту охоту стихи написал. С отсылком на роман Гончарова «Обыкновенная история». Я его перечитывала, ему насоветовала, он соединил роман, отца своего и охоту. И получилось стихотворение.

Дальше мрак, не знаю, как сказать.

...когда я писала этот рассказ, а его писала через полгода после той встречи в Доме работников культуры, мне хотелось Бореньке позвонить, но я себя сдерживала, де пусть первый позвонит. Борис был в депрессии, усугубленной кодированием от алкогольной зависимости. Я думала о нём почему-то часто. Но моя гордость тупила тупая: пусть сам первый мне позвонит. Ну, как обычно, когда он шел к маме домой, то мне звонил.

Через сутки, в 7 утра он расстался с земной жизнью в доме предков, куда обычно приходил, чтобы писать стихи там у него годами сохранялся мамой отдельный кабинет: Борис остался один наедине со своей личной бедой, имени которой я не знаю, ничего-то я про то не знаю. Моя вина – не позвонила, потому что в последнее время мы редко общались.

И я редела белугой две недели. Мама моя говорила, кто он тебе? Никто, так что ты реवेशь?

А мне жаль его до сих пор.

Люди одинокие на земле...

...жизнь взяла свое, сегодня не реву. У Бориса вышел по-смертный сборник, с обложкой белого цвета. А потом еще, а потом еще. Сейчас его книги нарасхват, они лежат в книжных магазинах на самых бойких местах (эх, жаль он не видит!) Он прославлен – после смерти.

Кречет вроде бы счастлив, дочь растит. Дрим мне вообще не встречается, что и хорошо. Нет, вру, как-то встретились

на заседании по защите памятников в УОЛЕ – Обществе любителей естествознания. У Дрима родной брат, президент строительной гильдии, который эти памятники, не жалея, сносит. А Дрим, значит, памятники защищает.

...Я много работаю, кино снимаю, меня приняли в Гильдию неигрового кино, и так течет моя жизнь и так вот меня радует. Я знаменитый режиссер.

И стихи не пишу с того года боле: умер мой наставник, и я заткнулась (замкнулась). Нет никакого смысла в поэзии, вообще, без Бори.

НЕСЧАСТНЫЙ БЕЛЬГИЕЦ

Он стал звонить мне, Свете, в университет на лекции по утрам и мучить доцента Георгия Борисовича, чтобы тот позвал к телефону. Сотиков тогда не было. Не изобрели еще. Георгий Борисович, по доброте душевной, звал. На кафедру. В кабинет. С лекций. Поддерживал наш роман... зачем-то. Дело было в том, что в голодные девяностые многие девушки России мечтали выйти замуж за иностранцев.

А познакомились мы с этим странным бельгийцем по газете. Я заполнила купон, купив газету специально, чего уж сейчас скрывать, для знакомства с иностранцами, и отправила купон в конверте, куда требовалось. И мне стали отвечать европейские и латиноамериканские мужчины, что само по себе было похоже на чудо. Из-за границы стали приходиться элегантные конверты с красивыми марками и невиданными именами отправителей – например, Хосе Дельгадо или Александро Кастро. Я отвечала нерегулярно, марки дорогие, да и экзамены, учеба отвлекали от переписки.

Самым стойким пен-френдом, **другом по переписке**, оказался бельгиец и еще один 50-летний бухгалтер из Мексики, похожий на мафиози; но тому я быстро перестала комплименты отписывать. Бельгийца звали Даниэль Биллен, было ему за 40, и работал он каким-то инженером ихнего ЖКХ при городской администрации, в маленьком городке Виль-

ворде. Жил он в ту пору со старенькими родителями, кормил их, заботился о них с утра, и вечерами. Потом он о них писать перестал. И поменял городок местожительства – у них это проще, чем у нас.

Мне он присылал в подарок искусственные цветы ириса в коробке, рекламные буклеты и открытки, делая ошибки в английском правописании. Из всего этого я заключила, что даже зная язык так себе, слабовато, – общаться всё равно можно. А уж адрес его я вообще не могла прочесть – таков был его почерк. Поэтому чтобы не ошибиться, я вырезала с конверта его обратный адрес и приклеивала на свой конверт – посылаемый в Бельгию. И письма доходили.

Был он разведен, имел очень взрослую дочь. И был скуп – не то слово. Не послал он мне 200 марок на поездку к себе, – написал, что дорого. А как иначе б я попала из закрытого военно-промышленного города Свердловска в Европу, если не с тургруппой универовских студенток? Да, никак. Он предлагал встретиться, но полагал, что я приеду за свой счет. Вообще он не вкурилвал что такое закрытый город и до чего бедны российские студентки (стипендия 30 рублей в месяц).

Я и не попала, тогда, в 93-м, за границу. Но он этого не понял. «Дорого» и точка. А я-то мечтала увидеть его в Вене (он бы примчал на автомашине в Вену, это примерно как из Свердловска в Алапаевск!). Я даже загранпаспорт оформила, который за 5 лет мне ни разу так и не пригодился... Всё было нормально, но ничем не закончилось. Туговат был

на ум Даниэль Биллен, как наши начальники ЖКО, и также толстоват-лысоват, как они. На мои просьбы прислать сюда, в *совдепию* вызов-приглашение, который от меня требовали тогда в ОВИРе, он писал на листке белой бумаги «Я приглашаю тебя» разбегающимися во все стороны буквами. И так дважды писал. А это для нашего ОВИРа было филькиной грамотой, и надо мной там откровенно ржали.

Сколько я ни объясняла Данику, каким должен быть документ-Приглашение, получала только непонимание. Сейчас этот ОВИРовский дурдом смешон и непонятен. Сейчас, в 2010-е все ездят из России в загранку без проблем. А тогда над нами власти просто издевались.

Станным казался мне мужчина бельгиец. Выяснилось из его писем и разговоров, что он выпивает после работы. И засыпает с бутылкой пива перед телевизором. А до этого, сразу после ужина пишет мне, как правило, большое письмо с 9 поцелуями в начале, в конце и в середине, с эротичными намеками на безграмотном английском языке. Намеки от этого еще эротичнее, потому что малопонятны.

Биллен звонил мне частенько в подпитии, как сейчас понимаю я. Слабо это походило на сказку о прекрасном принце.

Он возмущался, что русские, арабы и турки заволокли его маленькую страну – житья нет. А сам зачем-то *для меня* отремонтировал в своем доме комнату на втором этаже (картины развешивает, мои в том числе. Я ему картинки ак-

варельные в дар слала).

А я пишу, что люблю свой Урал и никогда с него не уеду (правда, люблю!). Буду жить в большом городе Екатеринбург, евразийском мегаполисе, а не в маленьком Вильворде с населением в пять тысяч человек, это ж село, а не город! Видимо, к тому времени я раздумала выходить замуж в загранку. И вообще, они бельгийцы, **вери далл**, – очень скучные, судя по всему. И т. п.

Второй этап наших отношений начался через семь лет (а первый завял сам собою).

Я, быстро (время незаметно пронеслось) прожила 5 лет с волжанином, мужем-актером. А потом развелась с ним. За его измену. Он, играя деда Мороза, ушел к Снегурочке и у нее затормозился надолго. Девочку она ему родила. С тоски я написала Даниэлю. Он ответил через несколько месяцев – когда я уж и не ждала. И два раза даже позвонил мне домой, мне уже поставили настоящий телефон дома, но нарвался на бас моего подростка-сына, не поняв кто это, перестал звонить. Да я и не знаю, что говорить по телефону иностранному господину на чужом языке (на своем-то часто слов не находишь!).

Итак, почему бельгиец несчастный? Всё по порядку.

Убегая от своей разбитой любви к одной даме, – о ней он обмолвился в паре строк, этот господин, в 50 лет, переехал из Вильворде в другой город. Родители его уже умерли к тому году.

В новом городке он снял для себя верхний этаж двухэтажного дома. На первом этаже жили мужчина гомосексуалист, хозяин дома, и евойный бой-френд.

Не прошло и месяца со дня вселения Даниэля, как вдруг хозяин дома повесился, тоже из-за несчастной любви... И тут вскрылось, что он был всего лишь арендатором, а во-все не владельцем всего этого дома! Да еще ушел из жизни с большими долгами,

И деньги-то Билленовы он не передал настоящему владельцу особняка, деньги нашего Даниэля ушли на нужды этого мужчины. Приехав, владелец дома стал гнать Даниэля вон. Тот выехал! И остался без всего. Мой друг судился в надежде вернуть деньги, но юрист, которого он нанял, говорил ему: – Брось это дело, чем скорее, тем лучше – ничего ты не высудишь. Бери руки в ноги и уезжай отсюда.

А тому жить негде! Свой дом в Вильворде он уже давно сдал, а здесь вперед на год уплатил. Это я все поняла из письма.

И тут Даниэль перестал писать мне.

И что с ним? И где он? Он меня заклинал на *поганый адрес этого дома* не писать. Я и не стала адрес сохранять. И куда ж ему весть-то послать? Интернетом мы тогда не пользовались.

Может, дочь родная его подобрала и у себя устроила, хотя бы на время? Хочется верить, что пожалела папу. Может, он сейчас сидит, пьет пиво и смотрит ТВ, а потом ложится спать? вот и я хочу пол-одиннадцатого спать!

А утром он встает в 4 утра, как привык, и драит свой новый дом до блеска. Такой вот, блин, скучный жаворонок, ходит, всё пылесосит. Готовит тосты и омлет с грибами, разведенный, занудный, не эрудированный в искусстве работяга. Понятный мне, как многие наши мужики из ЖКХ. Как напьется – звонит в Россию, пудрит мозги словами о любви. А когда леди просит денег на билет, чтоб приехать к нему – он отвечает «Нет денег». И ведь вправду нет.

И что искать там за границей? У нас таких мужчин пруд пруди. Но почему-то мне Даниэля жаль. Я – то дома сижу, сын под боком, долгов нет, никто не весился в нашем доме, тьфу, тьфу. Юристами не пользуюсь, телефон наш работает, на адрес ко мне приходят письма от друзей и однокашников, мама жива. Я на Родине – на родном Урале, в знакомом до боли городе, в который, кстати, недавно приезжал бельгийский министр торговли в составе большой делегации. Интересно, бельгиец смотрел этот визит по новостям, хотя бы слышал о нем?

Ну а в письмах Даниэль выражал себя – да. Это верный способ самовыражения, и он не занимает много времени. Не надо смеяться, надо понимать, что писать письма любви – это привычка. Кто втянулся в переписку – тот уже не может без нее жить.

И выбирает вот в магазине изысканнейший палевый цвет тонкой бумаги для своих посланий и особые конверты, и ручки цветные гелевые, всё то, что говорит о культуре пе-

реписки в Европе...

А я в итоге никуда не еду, загранпаспорт выкинула, и вприпрыжку на почту за международными марками-конвертами не бегу.

СКАЗКА НОБИЛЕЙ

Пьеса

Место действия: горная страна в Латинской Америке.

Времена стародавние.

Персонажи:

Александро Гарсиа Хуан Тулан, он же Хуан Тулан – нобиль, высокий мужчина 40 лет, с седыми баками, – итало-испанской знатной фамилии, ее выходцы здесь всё огнем и мечом покорили, а в награду получили от верховных властителей родовое имя «ТУЛАН»

Жена Хуана, Криста Тулан – 36 лет, в молодости бывшая монашка-католичка, прибывшая в Новый Свет из Испании, домовитая, набожная женщина.

Их дочери, 4, 11 и 14 лет.

Татуана (Тата) – девушка индианка, в индейской одежде

Бабка-Заплатница — она же **Старуха**, она же нянька.

Торговец из лавки – метис 35 лет

Верный слуга Тулана – индеец.

Рассказчик, парень, наш современник. Волосы светлые, внешность интеллигентная, *прикид* современный, манеры свободные.

Слуги Тулана, – 20 чел., с которыми он ушел в горы.

Нобили – знатные люди страны

Слуги у жены Тулана – 15 человек.

Воины, с миссией в горы – 35 человек

слуги во дворце

Город. Сад нобиля Тулана

Белеют залитые солнцем террасы – четкие, тяжелые, простые контуры, а на плоскости стен проступает рисунок тени от деревьев. Три девчонки играют у птичьей клетки в саду. Летают колибри. Дочки нобиля играют.

...где-то за два квартала от сада, старуха у дверей католического храма рассказывает дурачку местные предания, сказки. И как положено в сказке три дня живут царевны – а потом умирают, а дурачок очень удивляется.

Тут, в саду растет – красное дерево, и испанский кедр, и каучуковое дерево, пальмы перевитые лианами, – все это есть здесь. Милые обезьянки, летучие мыши, ящерицы, индейский петух керуак, – все эти обитатели есть в саду, – да и в самом городе они водятся.

На площадях остались многотонные стелы с надписями на полузабытом языке. Индейцы создали здесь, в крае этом огромные города, пирамиды и дворцы с многоцветными и сложными рельефами.

Индианки, сидящие на земле, с обнаженной грудью и детьми на руках, с достоинством протягивают к прохожим руку за подаванием. В городе – жарко и людно, и так всегда.

Рассказчик:

Это сны, мистика. Я это все не придумал, это все знаю я по наследству.

Я живу рядом с вами, но в жилах моих – древняя кровь горных индейцев. Никто об этом не догадывается, здесь нет и не может быть индейцев. Но. Мой профиль с каждым годом всё острее становится, и глаза темнеют по цвету. И слова приходят на ум непонятные – древние, наверное, индейские. Это боги так пошутили. Перекинули живого человека из одного времени в другой, не спросив, конечно же, желания этого человека, меня, то есть.

Я помню что-то очень древнее. Я останавливаю заклинанием дождь, и я вызываю заклинаниями солнце. Я уговорами заговариваю ветер, чтоб не дул на меня, а дул в другую сторону. Вот и у Татуаны, моей бабки-прабабки был такой же дар. И что же? Вы все узнаете дальше. Давайте споем со мной песню.

«Тончайшая паутина сна дрожит под тяжестью теней деревьев. Горы вдали подобны струйке дыма. Так тихо, слышен любой шорох, шуршание летящего листа. Городское пространство – как открытое море!

Когда вокруг ночь – встает пред нами большой город – светлый город, что мы носим в сердце. Город. Многоэтажный город. Бесшумно и бесследно ступают образы забы-

тых предков- убитых касиков- вождей. Сменяются десятилетия».

Рассказчик, очнувшись от транса:

Человек внутренне меняется каждые семь лет, – за это время кровь проходит весь цикл и полностью обновляется. В этот период, дни начала нового 7-летнего цикла не рекомендуется выходить из дома и начинать новых дел. А он вышел ночью специально, – зная сие поверье. Он сам искал приключений. И на исходе ночи нашел их. Он, этот человек, Хуан Тулан воевал и осваивал край всю жизнь, а сейчас пришло время отдыха, пришло время влюбляться, и это ему легко удалось. Глаза его открылись вдруг навстречу радуге, слезной от росы на траве. И мимо прошла девушка в легком красивом одеянии. Тело ее горело от лучей рассвета. И нобиль посмотрел на нее.

Тулан девушке: Глаза мои открылись навстречу рассвету. Я нашел то, что искал, мое последнее сокровище – ты это приключение! Если ты зайдешь сюда, за изгородь – я возьму тебя за руку и проведу по моему саду.

Она свернула с тропинки, и совсем близко подошла к нему. Она не удивилась. Он удивился, что она не поклонилась, ему, нобиллю, и не испросила никакого разрешения стоять подле него.

Тулан: – Чужая красавица, ты древняя кровь! Ты не по-

клонилась нобиллю? Скажи почему?

Она стояла, прислонилась к стволу дерева, слева – со стороны рассвета, и молчала. Может, слов не знала его языка?

Ты что – спишь стоя?! Это что опий на тебя действует?
Принюхался: нет, не опий. У тебя нет креста на груди и мало одежды. Сосцы твои намазаны глиной и торчат остро. Что же тебя так умаяло ранним утром?

Она стояла, не шелохнувшись – неизвестно сколько времени. Его это не примучивало. Наоборот, он вдыхал грудью утренний ветер, кровь бурлила, желания превращались из смутных в реальные. Тут он и решил опутать ее, опутать, обмануть, опутать, пока она не в себе. Добыча, это простая, легкая добыча. Добыча в саду.

Тулан (говорит, обнимая девушку) – Красивая какая девушка! А ведь ей место в моем Горном Дворце. Там есть золотое кресло с красными, блестящими ручками, где она бы красиво смотрелась, да еще и с ребенком у груди. Для ребенка у меня тоже найдется там комнатка и старая нянька найдется.

(Аккуратно он расстелил свой плащ, и положил девушку на землю. Она не сопротивлялась).

Тулан: – Я не прочел молитвы, не спросил разрешения у наших общих богов взять этот дар. Я знаю, где сейчас закон – он спит. А я? Я нет. И ничего я, наверное, не буду помнить, когда сменится моя старая кровь!

Он лег рядом. Он ее обнял. И она его обвила обеими руками. Он понял, что мир вдруг переменялся. И он сам переменялся, и в прежнем мире ему не будет уже впредь так же комфортно, как и раньше.

– Благодарю тебя, милая, за всю ту радость, что я испытал от тебя, благодарю – *сказал он ей, очнувшись. Она смотрела на него.*

Тулан: Как тебя зовут?

Она ответила: Татуана. А тебя как зовут, господин?

Тулан: Хуан Тулан. *(они омыли друг друга взглядами, как влюбленные, претерпевшие неведомую долгую разлуку)*. Мне все теперь по плечу, я молод и силен, и весел, и смел, как прежде. Наверное, я переродился – как будто б вернулся живым с безнадежной битвы! Мы скоро снова встретимся и уже не расстанемся по жизни! А сейчас иди, пора.

...и он простился с ней, ласково погладив по волосам. Дал чистый, не надписанный, кусок пергамента на память – хотел надписать, но подумал, что индианка не умеет читать по-испански, и сказал: Приди сюда в полдень, через семь дней ровно, и жди меня здесь в саду, на этом месте. И мы уйдем. Ото всех. В неведомый тебе край.

Она быстро поправила юбки и бесшумно ушла.

Тулан: *(рассекая рукой листья деревьев при ходьбе)* – Она будет со мной, я уверен в этом. Мы завязались в один клубочек. Но я не спросил, где она проживает. Я не знаю, что с ней будет сегодня, не знаю, что было вчера, кто ее отец,

родные, есть ли у нее хозяин. И чем она здесь занимается. Пойти за ней? Да не пристало нобилию искать индейских женщин в их древних кварталах. Но, она вернется. Я это знаю, как знаю ее имя. И этого знания мне достаточно.

И быстрой походкой он направился к дому. Он был самодостаточен, самоуверен сейчас, как никогда...

А Татуана шла по утреннему городу. Было нежарко, и пробил час кошек. Они бродили от стены к стене. Пышно цвели розы и маргаритки, и облака, словно белье, выползли сохнуть на веревках неба.

Татуана: – Он нобиль, не индеец, но он вошел в мое сердце. Я чувствую радость за все то новое, что меня объяло. Он никуда не денется от меня, как и я от него. Мы будем вместе до самой смерти. И я с ним, и он со мной. Я не побежала за ним, чтоб увидеть его дом, но я догадываюсь, куда он свернул. В свой огромный белый каменный Дворец! Он из нобилей! Мы лежали на плаще нобилия! я наложница нобилия! Я помню его прекрасное лицо. Вот что выпало мне.

Одной мне из всей нашей семьи повезло укротить благородный род завоевателя. Да сбудется воля моего народа. Пусть скорее сбудутся пророчества – я должна родить от нобилия сына! И начать новый род, который выведет нашу ветвь из раздора, гибели и позора, спасет нас, красных людей, от окончательной гибели.

Она осторожно ступала, боясь распугать кур и кошек, идя к себе домой. В хижину старую и приземистую, где никто

ее, кроме крольчихи Марии, не ждал. Она пришла, покормила крольчиху, налила себе питье в деревянную чашку и стала собирать одежду, вещи к отъезду. Она была уверена, что скоро уедет с нобилем. А куда – ей было неизвестно.

Рассказчик: Позже когда они все-таки ж уехали из города, знакомые нобили, и их семьи наперебой заговорят: не может быть, надо же приключиться такому! – нобиль с неизвестной рабыней сбежал, оставил семью, и службу свою! Без разрешения Божия вступил в эту в связь. И долг перед кастиланским королем свой нарушил.

А в день перед отъездом он стал часто покрикивать в доме, раздражаясь на всех, непонятно почему, и гонять своих домашних. Говорил слугам, как ему плохо – болит, дескать, сердце. Он стал пить настойку из боярки, мало поспал, и вдруг не смог скрыть счастливой улыбки, ибо она прорвалась сама.

Печатая шаг по дорожкам сада, он продумывал все до мелочей – как и где, и когда. Как ее увезти из этого города в потайное место в горах. Там тоже был сад на площадке у моря, а вокруг сада вулканы. Там был его фамильный дворец, пустующий уже десять лет. Это очень далеко от столицы, месяц пути по горам.

Он думал о девушке и их будущих детях. И еще он помнил, что часы зачатий сыновей в его роду наступают в пол-

нолуние, и что ему надо спешить, если он хочет иметь сына от нее, а не дочь, – дочери-то уже есть.

Сцена в полдень

Случилось это через неделю.

Ящерицы в саду спят в теплой воде бассейна. Дышат жаром влажные пасти. Заранее, за сорок минут до времени назначенной встречи, так ей было невтерпеж, Татуана подходит к саду, она идет к мужчине, к своему возлюбленному. А по дороге ковыляет, нащупывая клюкой каменные плиты, почти слепая Старуха, кажется, она идет на запах – запах молодого тела. Она подходит, зацепляет Татуану клюкой за юбку и просит (та пугается, но потом быстро успокаивается):

Старуха: Милая, отведи меня в храм божий Святого Януария.

Татуана, колеблясь: Хорошо, бабушка, отведу. Только очень быстро. А где он находится? Скажи только, я не все здесь знаю, в этом квартале.

Бабка, *хватает ее за правую руку и палкой нащупывает ступеньки:* – Ты зрячая, ты все найдешь, а я подскажу куда повернуть.

И вот они идут по городу, по улицам, полузасыпанным сухим, горячим песком. Монахи бормочут молитвы и знатные воины спорят у стен своих домов, призывая Бога в свидетели. Дремлет сторож, закутавшись в плащ от жары. Бродят люди как неприкаянные тени. Жара! Иногда бабка открывает правый глаз и зорко проверяет дорогу, но девушка этого

не видит.

Старуха – Поверни, дочь, на эту улочку, здесь короче. Стой. А сейчас подожди немного. И скомандовала в окно рядошной лавки: – Я здесь! Сюда, чел сюда, ко мне!

Девушке говорит сухо – Пришли!

Из дверей вышел здоровенный метис, с добрыми глазами, а за ним следом два слуги, они быстро и сторожко окружили Татуану. Тут бьют склянки из лавки – полдень, девушка вздрагивает. – Мне пора назад!

Бабка метису: – Помни, мне нужна душа, а не деньги! (в сторону) С новой душой я смогу...

Татуана: Где храм! Зачем мы здесь? Это не храм. Я вспомнила, где стоит храм! Зачем ты привела меня сюда, Бабушка?

Но на нее набрасывается покрывало, которое предусмотрительно вынес метис, мужчины скручивают ее в это одеяло и заносят в лавку. Она бьется. Кусок пергамента падает на дорогу из одежды Татуаны. и тут мы с ней расстанемся.

Старуха мерными, крупными шагами, открыв оба глаза, пошла дальше по улице и свернула к храму. У врат храма ждут священника женщины в тяжелых серьгах и глинистой косметике. Дым, благоухающий травой, валит из каменных жаровен, и звуки дудок навевают думы о вечности. Горит огонь в храме. Ходы в толще стен ведут на новопридельные хоры. Раньше это был языческий храм, затем его переделали в храм христианский.

Старуха: Набожная скорбь якобы, всегда и повсюду. Здесь, в городе, так много церквей и часовен что всех, наверное, так и тянет согрешить.

Она старческими сморщенными ручками упоенно собирает нагар с поминальных свечей, стоя в храме, и нюхает его, пока ее не шугнул местный дурачок с метлой, прислуживающий в храме: «Поди прочь, бабка-макабка, чтоб мыши не отгрызли тебе подол!»

Старуха: Ах, ты, дурак! Забыл мои сказки-присказки! Я тебя еще проучу.

Несчастье

Тулан долго ждал Татуану, до сумерек: – Где же она, почему не идет. Не иначе – случилось несчастье! Он поспешил к западному выходу из сада в город. В городе было, всё как прежде. Девушки в накидках и юноши в плащах толпились у фонтанов, и нежно звенела вода, наполняя кувшины. По следу ее, никому невидимому следу, который он чувствовал даже, кажется, своим нутром, и своим сердцем, он добрался до лавки торговца. Там он и увидел девушку, сидящую в стеклянном ящике на показ, у входа:

Тулан: – Как ты оказалась в стеклянном ларце, мое дитя бедное, мое сердце?! Кто украл тебя?! (он потрогал ее сквозь стекло, не веря своим глазам). Тебя посадили в ларь как птицу! Похитили тебя у меня, красавица Татуана!

Он вошел в лавку нарочито степенно, увидел торговца, курившего трубку в углу:

Тулан сказал: – Я хочу купить эту рабыню в стеклянном ларе с золотым замком.

Торговец: это очень дорогая рабыня...

Тулан: Я знаю, что вы торговцы торгуетесь. Я предлагаю тебе арробу золота и изумруды, тоже арробу.

Торговец усмехнулся: – Какие еще изумруды? Эта женщина бесценна.

Тулан: Я предлагаю тебе еще наш родовой амулет, рубин, помогающий находить в земле воду. А также кучу драгоценных камней, ты построишь на них дворец посреди города... (Тулана несло в ярости, он, крича, не сдерживал себя). Сейчас мои слуги привезут сюда золото и драгоценные камни!

Торговец кивнул, сделав вид что согласен, сказал: – Мы подождем.

И, молча, они ждали час. Тулан старался даже случайно не оборачиваться на ларь, на бедную Татуану. Чтобы не вспылить, не вытащить оружие и не сорвать всю сделку.

Да. Слуга через полчаса привез на осле золото и камни в сумке. Он быстро понимал мысли хозяина, как все индейцы. Умел!

Вот золото, – сказал **слуга**. И камни.

Тулан торговцу: – Вот, возьми золото и драгоценнейшие камни.

Торговец: – Этого мало!

Тулан – И дворец в горах в придачу!

Торговец: – И это не вся цена за нее, я же вижу!

Тулан: – Тогда возьми половину моей бессмертной души за ее свободу!

Торговец – Отдай всю душу! Скажи, мне «бери мою душу, змий»!

Тулан крикнул: Бери мою душу за нее!!!

Торговец, кивнув, бросил ему ключ от замка, и нобиль отомкнул замок.

Тулан тут же приказал верному слуге: – Иди же домой! Твоя работа сделана!

Когда тот вышел, нобиль из-под плаща, с бедра, достал нож и заколол торговца двумя точными ударами в сердце. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Татуана сидела, как столб, окаменев в прозрачном ящике. Тулан вытащил ее оттуда. Потом он собрал свое золото и камни, взял мешок с драгоценностями через плечо, предварительно бросив туда необтертый нож, поднял сидящую девушку и за руку повел, почти потащил, за собой.

Тулан воскликнул, глядя назад с гневом: – Камни и золото я забрал, а часть души уже не смогу – души не вернуть! Душа останется навсегда в этом подлом залоге, на пару, вместе с черной душой торговца! Какое мне горе!

и уходя, отряхнул полы одежды, сказав: – Прах сей опасен. Девушку он оставил на час в придорожной гостинице, в комнате, под охраной своего слуги метиса. Оставил вместе

со всеми ценными узлами. А сам пошел домой – чтобы проститься.

Дом ТУЛАНА. Прощание

Тулан приказал слуге: собрать всех в большой комнате. Они собрались все в одной большой комнате, жена и дети.

Хуан Тулан встал и сказал:

Я собираюсь в поход – на подвиг молитвенный, и ближай-
шие пять лет буду отмаливать грехи всего нашего семейства
в горах – в далекой часовне. На нашем роду лежит уже много
грехов, мною пролито немало крови и есть одно проклятье.
Чтобы род не погиб, не захирел-не пропал, я буду молиться
за вас, за всех.

– Да как же так? Ты, отец семейства, что ли вдруг подвиг-
нулся на святости, как Савонарола? – вскричала пораженная
известием **жена**.

Хуан Тулан продолжал: – И святые отцы, именем Свя-
того Хуана, поддержали меня и обещали мне молитвенную
поддержку. Так и должно быть – кто-то один из рода должен
хотя бы часть своей жизни посвятить отмаливанию грехов.

– И я уеду, да, срочно! – закричала **Криста**, – я поеду
с тобой.

Тулан отвечал: Жена ты моя, простись за меня со всеми
друзьями и родственниками. Ты останешься здесь, как я ска-
зал. Ты останешься с детьми. Я уеду ночью.

Рассказчик: Много трагических историй начинается так

просто, бестрепетно, с короткого шага вбок, в сторону, и мне это кажется страшным. Что ли это жизнь пришивает яркие заплатки на свое протершееся полотно.

Я продолжу рассказ.

Накануне его отъезда ночь была весенняя, светлая и ветреная. За домом волновалась улица, и оттуда долетал под ветром злой и беспомощный лай собак. В ловушке, в саду, сидел скунс и тихо подвывал от боли.

Хуан Тулан не уехал сразу, как того хотел, он лежал на полу, на ковре – на спине, с закрытыми глазами. Криста сидела рядом с ним. Оба молчали.

Наконец **жена** спросила: – Ты спишь?

Тулан: – Нет, что тебе?

Жена: – А ведь ты меня больше не любишь, жизнь изменилась, всё даром прошло.

Тулан: – Нет, не даром. Вспомни все наше – хорошее. И не говори таких глупостей.

Жена: – Как же я теперь?

Тулан: – А что тебе мешает здесь спокойно жить?

Жена: – Вот ты опять, опять, уедешь сейчас. Раньше в походы, сейчас молиться. А что же со мной будет?

Тулан: – Да все то-же, что и последние годы и месяцы. А потом я же тебе твердо сказал: через 5 лет вернусь, а на следующий год приеду, может тоже, на месяц – зимой.

Жена: – Да, может быть, приедешь. Только раньше ты не говорил мне таких слов «что тебе мешает здесь жить спо-

койно». Ты меня любил, другие слова говорил.

Тулан: – Да, ты изменилась, трудно узнать.

Жена: – Прошло мое время, как ни бывало...

Тулан: (Он пожал плечами, выдержал паузу) – Я тебя не понимаю. Достань мне мою одежду. Пора собираться.

Она скорбно достала и подала одежду, в том числе новый белый плащ паломника. **Жена** говорила с ним еще, он отвечал скупно, сам дивясь себе. Обычно ручеек его речи тѣк без перерывов.

Тулан жене – Не понимаю, что с тобой стряслось, может туземная лихорадка начинается? Ты нездорова?

Жена: – Оттого и нездорова, что не мила тебе. Чем же я больна?

Тулан: – Ты меня не понимаешь. Я говорю, ум твой нездоров. Потому ты подумай про мой отъезд положительно, что такое-этакое случилось, то и должно было случиться. Почему ты решила, что я тебя не люблю? Одно надо говорить и верить в это, мы с тобой одна семья.

Она не ответила. Светило окно, шумел сад, долетал шум ночного города. Город ночью шумит. Она тихонько сошла с лежака и, гордо расправив плечи, подергивая головой, твердо пошла в своих узконосых туфлях в соседний зал. **Он** позвал ее по имени: – Криста!

Она вернулась, склонив голову, чтобы он не видал, что все глаза у нее в слезах.

Криста: Что, мой муж, отец моих детей?

Хуан Тулан: Сядь и не плачь. Поцелуй меня, ну?

Он присел, она села рядом, он обнял ее, она затрепетала в рыданиях.

Он покачал ее чуть-чуть, переложил на лежанку и крикнул в двери «Стража! Коней!». Вбежал слуга – оруженосец, неся, как пук тростника, меч, стрелы и кинжал хозяина. Жена закрыла голову одеялом, стараясь не слышать, не видеть всего этого. Слезы душили ее. Она пыталась, затаившись, сжаться и выжить, как-то не умереть от горя. Хуан Тулан тронул ее за плечо и не получив ответа, быстро вышел. Следом заспешил юный оруженосец обычной походкой – ставя при ходьбе ступни носками внутрь.

Рассказчик: Татуана ждала его, выйдя к воротам гостиницы. С серым кроликом в руках. Они быстро погрузили вещи на лам и коней, и двинулись в путь. С ними ехала стража.

Не торопясь, выехали из города. Уже светало. Они были так счастливы своим побегом, что всю дорогу готовы были беседовать, без конца.

С ними ехали несколько воинов из его, нобильской свиты. А как же без них? Им был дан приказ помалкивать, держать язык за зубами. Перед переходом в горах Тулан принес в жертву голубку по-индейски, – в дар языческим богам, хотя и был христианином. Веки белой птицы мучительно дрогнули перед смертью. Тенью промелькнула при этом старушка, божий одуванчик, через тропу она что ли перебе-

жала и скрылась в тени деревьев. Или показалось?

В пути

Хуан Тулан: Я еду второй день с прекрасной женщиной, птицей—цветком, и свитой верных слуг. Слуга, эй! метис, подуди-ка в дуду! Тата-Татуана! Ты и не знаешь, как счастливо будешь жить в моем дворце! – говорил он, заглядываясь на нее, придерживая коня. – Он станет твоим домом, все мои слуги будут служить тебе, и сам Я – последний из слуг твоих. Все для тебя!

(Она улыбалась).

Хуан Тулан: Там всё твое! Ты сокровище, а я покупатель бесценных сокровищ! Да, ты стоишь той души, которую я отдал за тебя! Лежа в гамаках, мы будем смотреть, как встает и садится солнце, и слушать в сладком безделье сказки старой Бабки—Заплатницы. Тут девушка сказала «Нет», услышав про ведьму (ей вспомнилась сцена ее похищения)...

Хуан Тулан продолжал – Она знает о судьбе каждого. Знает твою и мою судьбу. Если ты спросишь ее, узнаешь что..., – продолжал он.

НЕТ! – еще раз сказала **девушка**.

Тулан: Ну что ты капризничаешь! Нет, так нет. Хотя, старая каргуша вынянчила всех моих детей, да и меня тоже.

Он был в золоте, в кольчуге из металлических пластин и кожи, покрытых золотой вязью, а на плечах его лежал

плащ из теплой шерсти. Богато!

К ночи они расположились на ночлег.

Тулан: – Меня знобит от любви. 10 всадников свиты кажутся мне тенями сна! Жар ночной рвет меня изнутри. И это все из-за тебя! (укорял он Татуану).

Рассказчик: Девушка смотрела по сторонам и видела, как все яркие цвета дня переходят в синий и тают вдали. В горных ущельях, у их оснований, вился дымок – туман. Она сделала руками движения танца, неведомого танца, двигаясь лишь на месте.

Стоянка была длинной. Утром воины ушли на охоту, чтобы пополнить запасы еды. Вернулись с дичью. Они обмазывали ее глиной и запекали в земле, поверху разводили костер. Потом раскапывали, отколачивали глиняные черепки (вместе с перьями) и запеченное мясо было готово. Решили остаться еще на ночь и выйти в дорогу утром следующего дня. Здесь было хорошо. Деревья, травы, чистая вода в ключе. А впереди был долгий переход в горах – по узким тропам с разреженным воздухом. Хорошо бы никто не поскользнулся, не сорвался с кручи с конем. Но к счастью, обошлось.

В селениях, встретившимся по пути, на обмен покупали молоко, сыр, крупу. Индейских селений становилось всё меньше. Переход этот дался Татуане легко, ведь шли по ее родной земле.

Приехав через месяц во Дворец, Тулан вовсе не служил

в часовне мессу, но, также, и не приносил больше жертву языческим богам. За него мессу отслужил оруженосец.

Дворец в горах

Татуана: – Вот солнце высунуло голову из белой рубахи утра, осветило золотом твой дворец, какой он огромный!

Тулан – Да что ты. Он невелик. Этот дворец был у моего отца 50 лет назад. Но он пуст. Мы живем в другом краю.

Татуана – По сравнению с моей хижинкой – он безбрежен. А сад! А каменная ограда толщиной в два мешка кукурузы. А море, что виднеется вдали, внизу! Как здесь тепло и красиво. И какой чистый прохладный воздух! А я – в серебре и золотых украшениях.

Я часть твоей души, Тулан. Нет, я ее полноценная замена, этой отданной тобой за меня души. Но я чего-то боюсь, любимый, здесь во дворце, в твоём дворце, от меня скрывается старуха, что обманом отдала меня торговцу. Она прячется, но я по запаху ее заплачу чую ее.

Тулан – нет, не бойся. Это лишь старая нянька, она уже много лет живет во дворце. Ты не могла ее раньше видеть. Когда жена взяла для младшей дочки другую няньку, Бабку я увез сюда.

Татуана – Но она внешне похожа на одну слепую старуху из города... А ты говоришь, что не может быть. Ты знаешь, Тулан, влюбленным труднее, чем невлюбленным жить

на свете! кто когда-нибудь любил, тот знает это. Им все завидуют – вольно иль невольно. Их ненавидят за их счастье. Они бредут по жизни, взявшись за руки, как сомнамбулы, заступая на проложенные издревле границы, не видя запретов, ежедневно задевая чьи-то чужие интересы. Они целиком поглощены своим чувством. На них оглядываются. Они больше смотрят в глаза друг другу, чем по сторонам.

Если кто-то богат, значит, есть и бедняки, и их в 6 раз больше. Если кто-то счастлив, значит кто-то другой, напротив несчастлив. И таковых тоже больше, чем счастливых. Мириады врагов вокруг собираются в тучу, как мошकारа, чтобы наброситься на бедных влюбленных. Тоска сжимает рукой мое горло, когда я чую этот её запах, запах сирости, запах смерти. Он тебе – этот запах – должен быть знаком по лавке торговца, из которой ты меня освободил, вспомни! Как страшусь я смерти в эти мгновения, когда вижу мелькающую во дворце старуху! А еще больше неволи, – *говорила она, сидя у ног его, заглядывая ему в глаза.*

– Вдруг меня схватят и заберут опять в неволю?

Тулан. – Татуана, дитя, этого не бойся. Я тебя защищу. Потом уж тебя познакомлю с нянькой, да что-то она занемогла, не выходит из своей комнаты. А так ты увидишь, что это простая старая женщина. Ну а счастливые люди живут, как и несчастливые, обычной людской жизнью, я считаю.

А ведь правда, была старуха во дворце, и порой, пробегая по залу, держалась его темных стен, стараясь не выходить

из тени. И голова ее была тщательно прикрыта покрывалом. Конкретно она избегала взглядов индианки, новой хозяйки дворца. При ней никогда не обнажала рук и старого своего лица. Боялась, что та ее узнает. Только в пол кланялась ей. А хозяин старухи – няньки своей странное поведение и не замечал. Слишком был счастлив и беспечен.

Тулан: Не бойся смерти, не бойся неволи! (*успокаивал он любимую*). Я нарисую тебе на щеке татуировку – кораблик. Я вызнал этот секрет из одной старой легенды. Монах Се-тобриан пишет, что это ваш старый индейский секрет. К сожалению, католикам он непригоден – не подействует. А тебе поможет скрыться на этом корабле в минуту опасности. Слушайся меня...

Татуана: – Да, слушаюсь.

Он приблизился и поцеловал ее, он любил этот водопад ее темных волос.

Тулан: Ты всегда сможешь на этом кораблике убежать от злой силы. Я хочу, чтобы ты была свободна как моя мысль и моя воля. Он достал инструменты и начертил острым медным стилем ей кораблик на левой щеке – потом затер это место золой из очага, сказав: – **Имя тебе Татуана свободная!** Еще я нарисую у кораблика крылья (он снова приблизился к ее лицу с протянутым стилем), и если не будет воды под кормой корабля, ты сможешь вместе с кораблем пролететь над сушей, над пропастью, над горами, всюду! Да! Выполни мой наказ: когда вдруг грянет беда, нарисуй кораблик на сте-

не, на полу, или в мыслях своих, где удобно, где хочешь, закрой глаза взойди на него и спасайся, Татуана!

– Благодарю тебя всем сердцем! – сказала **Тата**. И упала без чувств.

Слуги, позванные Туланом, вмиг подняли ее и унесли в детские покои.

Тулан отряхнул золу с рук и с одежды и направился в свою комнату.

Хуан Тулан слугам: Я пойду к себе. Мне хочется побыть в одиночестве. *Он поклонился вслед Татуане и отправился, чуть приступая на онемевшую вдруг ногу, в свою комнату.*

Размышления

Хуан Тулан сидит в гамаке в комнате, слышен его голос:

– Люблю ее, пытаюсь любить, но что-то гложет меня. Я не совсем счастлив. *(Кто-то прошелестел невесомо рядом).*

– Нянька, ты здесь? Не таись. Иди, послушай. *(Нет ответа).*

Он закрыл глаза и увидел в мечтах Татуану, вот танец раскачивает ее грудь, а сзади вьется тяжелый хвост ее волос, волосы неслись за спиной как два-три темных змея, когда она обегала в своем танце колонны этого зала.

Тулан: – что ж, медленно ходить ей от радости видно невмочь, подумал он вслух.

Но она чужачка! Я продал душу за чужую свободу, за ее

ласки, и бессмертия мне не видать, я буду гореть в аду! А проклятье может лечь на весь мой род! Я даже не могу приступить к молитве, не могу сложить пальцы в крест. Я отщепенец христианского мира. Я изгой. За эту женщину я убил человека. Пусть он нехристь, но я совершил убийство, причем тайное, о нем никто не узнал, и обвинили совсем не меня, но кто-то ведь должен быть наказан за это убийство! – ужаснулся вдруг он. – Любимая женщина. Грех. Нет. Да. Она беременна и носит под грудью моего сына, поэтому она мне жена.

Мы раньше дружной семьей жили в своем красивом городе, и моим детям всегда доставался много яств – рыба, фрукты, пироги, сласти и полная опека родителей. А в будущем их ждали б почет и уважение – представителей знатной фамилии, если б я не убежал с женщиной. А что сейчас. Вдруг позор ляжет на них, позор им от моего бегства и измены? Да нет, слуги лелеяли и лелеют их. И жена. Она позаботится, чтобы всё было хорошо. Она ничего не знает. Но подумать и на миг страшусь я: – Неужели богатое знатное будущее может быть для них потеряно? Из-за меня, моего преступления и обмана? Нет, нет! никто не знает что мы здесь. А через год я приеду в город Тулан. Приеду, когда уже родится мой индейский сын. О боже, боже! Что же это? – с избранной красавицей, подходящей тебе по уму и по телу можно жить ЛИШЬ с позволения церкви, а без позволения нельзя? Но я ведь живу? И даже очень хорошо живу! И где кара Господ-

ня? Молчу, молчу, прости меня Господи.

Эй. Я вдруг вспомнил как брал глину, белую и красную, и синюю, и желтую, мешал из них краски. Она меня давеча научила. И красил ее лицо узорами, их узорами, она знает их все. Говорила, это для того, чтобы ее никто из богов не узнал. Никто из ее богов и моих. И она так и ходила весь первый месяц в нелепой раскраске. А потом я сделал ей татуировку. И она успокоилась. Стала больше походить на наших, испанских и кастиланских женщин. Колечки и амулеты все свои сняла индейские.

А святые – наши, хоть и просыпаются всегда по истории поздно, но все же проснулись, и, наверное, узрели уже ее – в этих покоях. И возмутились – почему нобиль, христианин, без прав и без спросу взял ее в дом, не выполнив все католические обряды?

Она приносила жертвы своим богам. Да и я грешен – следовал за нею в этом деле. Да, Тата приносит жертвы. Приносить жертвы – отрезать голову у жертвенных зверюшек – ей это легко... Она считает так надо.

Жертвой буду я сам. Чует мое сердце. А вообще сейчас я совсем, как она – стал язычником, одичал. Одичал без молитв – весь погряз в грехах. Почему-то она боится, боится какой-то старухи. Неужели моя бабка-нянька, что рассказывала сказки моим детям на ночь и меня нянчила, может внушить ей страх?

Тулан: Эй, Бабка, поди сюда, поди к Хуан Тулану! (крик-

нул он).

Старуха приблизилась быстро, как будто стояла тут уже и слушала его мысли вслух, за колонной.

Старуха: – Призраки – говорящие дети вечности, они тебе скажут все. И приберут..., – сказала она и отошла за дверь, не дождавшись его распоряжения.

Ему было почему-то тяжело переспросить, что она имела в виду и снова позвать ее. И он не стал этого делать.

Вот он снова вспомнил, как они разговаривали с Татуаной здесь, несколько дней назад:

Татуана (она подошла к своему любимому) – У меня было видение, Господин мой, господин Хуан Тулан.

Хуан Тулан: – Да, дитя любимое? Что за видение?

Татуана: – Я стояла на чем-то отпевании в католическом монастыре у центральной колонны. Не знаю, как туда попала. Монахи пели удивительно красиво и голоса взлетали бестелесно, без связи с телом. И вдруг мне толчок в сердце – такой силы, что я закачалась и чуть не рухнула на пол. Видение! Залитый солнцем пол вокруг, каменные ступени. Луч, нет столп света сверху. И мы с тобой на ступенях и говорим о прощании. Это последний наш час вместе, я чувствую, что никогда впредь тебя не увижу.

Ты сбегаешь вниз по лестнице. Мы расстаемся. И больше не будет у нас ни одной встречи. Это конец. Мы расходимся навсегда. И никогда ничего больше с тобой у меня не будет! Да, Хуан Тулан, я стояла в монастыре, прислонившись

к колонне, мне было очень горько и всё наше будущее ясно. Но вдруг пришла легкость. Сердце мое рвётся от догадки, неужели это будет смерть? Прощанье наше?

Он сказал ей тогда – нет.

Хуан Тулан, *вспоминает, вслух*, – Я чувствовал тогда то же самое, страх. Маленький сгусток ужаса влетел в мое сердце, и я не знал, как и почему. Потом все же собрался с духом. Отогнал боль в сердце и сказал ей: «Мне с тобой очень хорошо, я хочу растить с тобой детей. И сделаю все, что бы мы были здесь как можно дольше. И чтобы мы были счастливы!»

Рассказчик: Тулан женился в молодости. Он взял дочь кастильских дворян – из монастыря испанской Кастилии. Из Кастилана, как говорят. Девушка приехала, должна была ехать служить – проповедовать в Новый Свет. Он женился на смиренной, набожной деве с твердым, упорным, характером и прожил с ней мирно 20 лет, – и родили они троих детей, сытых и породистых девок. Потом он ушел от нее и семьи, прочь в горы с индейской прабабкой моей, у которой вместо рода и предков с гербами, только старые легенды (и волшебство!). Он тайно жил с ней, без благословения епископа. И святые католической церкви все знают. И его терпят, пока.

Индейские же Боги так говорили об этой паре: – **Безропотно в жертву себя отдай. Она, дева, кажется, давно не приносила нам жертв и не воздавала нам хва-**

лу, а молилась непонятно кому, ветрам любви, цветам на горах и белому семени, зеленым изумрудам и прочим ерундовинам, на любой наш взгляд-погляд.

Неудивительно, что мы решили изменить ситуацию. Мы стали примучивать ее страхами – но она заговаривала их страхи ветрами. Она отсылала страхи назад к морю, призывала ветра, отгоняла злые дожди и уговаривала солнце тихо греть. Она из древних, ей многое удавалось.

Она демонстрировала нам, богам, власть своего древнего племени. Такого же древнего как мы сами – индейские боги.

Они не знали, что делать с ее фокусами. Они были порою бессильны перед ее истовой, безалаберной любовью – она сама не понимала до конца, какая сила скрыта в любви ее.

Что ж, через полгода они отстали от нее и стали мучить нобиля. Без защиты христианской молитвы он стал как голый птенец перед ними. Мучили его ясными (как наяву) картинками старой жизни и укорами совести терзали его сердце. А потом во сне пришли к нему толпой в перьях Керуака – все голые, в кровавой стружке и полной татуировке, и сказали «Белый, враг, чужак, откажись от нее и останешься жив! Иначе твой род превратится в пыль, и ты превратишься в плесень на коре деревьев, в гнилую мочу крокодилов,

и тебя вообще не будет!» А он был все еще силен и уверен в себе и он не стал говорить с ними. Он считал себя тогда сильным, мощным и правым. Он сказал «Не откажусь!»

Но вы всё узнаете дальше.

Праведный гнев

Многие, в оставленном беглецами городе, уже прознали про измену Тулана. Кто-то прислал настоятелю храма в город из гор почтового голубя с письмом. И там, в письме, было что-то нечистое про тайный Туланов отъезд. Тайна была раскрыта – но неизвестно кем (Старухой, скажете вы).

Слухи разлетаются быстро. И жена об этом тоже узнала.

Город, ступени христианского храма и площадь перед ним. Толпа нобилей с оружием, в плащах. Они кричат наперебой:

– Как же так? Брошена семья, попран брак, освященный Господом! Прости нас, Господи! Брак, освященный на веки вечные! А общество? А традиции? Алехандро Гарсиа Хуан де Тулан презрел их! поколебал мир наших устоев своей изменой.

– А большая его любовь? – вопрошает кто-то из умеренных, тоже нобиль.

Любовь – это бесовство, чаша холодной воды в знойный день. Чаша вина. Любовь – блуд, страсти. Это опий, это отравка, вот был ответ.

– Любовь – нужна ли она?

– Нет! Есть устои, есть касты, ранжиры, порядок, законы. Они установлены свыше – нельзя их нарушать! Кто нарушит – тому кара! Вернем его, Тулана! Распнем. Накажем!

– Смерть Хуану Тулану!!!

Но умеренный нобиль снова говорит: Он представитель одной из самых лучших фамилий наших!

– Нет, он потерял с изменой свою фамильную принадлежность!

Умеренный: – За ним родня стоит стеной.

– Вот его родня! Призвать сюда госпожу Кристу Альмавирос де Тулан! (на ступени всходит жена, настоятель храма выводит ее и отходит назад).

Жена Тулана, Криста: – Вы взнаете всё. Про наш семейный позор. Так! Вы, вы готовы осудить его за союз с чужеродной женщиной, неизвестно откуда взявшейся, и разрушившей наш дом, нашу семью? – кричит она.

– Да, готовы! Осудить! Сжечь его гнездо в горах! Смерть обоим клятвопреступникам!

Жена Тулана: – Чего ему не хватало? Чего он нашел там в ней, зачем обманул меня, покинул своих детей? Я не смогу взять в руки оружие, это грех. Вы, вы отомстите за меня! отомстите за Закон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.